

КЛАССИЦИЗМ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ НЕФАНТАСТИЧЕСКОЙ КЛАССИКИ

Батхен Володими́р Гинзбу́рг Дани́хов Ду́биня́нская Ива́нов Кали́ниченко Ку́дряшев Лебе́динская
На́зтов О́льга Пери́шин Пра́шкевич Сидне́вская Тру́шкинская Фе́дотов Ше́рбан-Жу́ков Ю́жная

Геннадий Мартович Прашкевич

Ирина Скидневская

Эдуард Иванов

Далия Мейеровна Трускиновская

Ярослав Веров

Яна Юрьевна Дубинянская

Ника Батхен

Дмитрий Станиславович Федотов

Юлиана Лебединская

Олег Семенович Ладыженский

Дмитрий Михайлович Володихин

Иван Сергеевич Наумов

Антон Иванович Первушин

Юстина Южная

Николай Валерьевич Калиниченко

Андрей Щербак-Жуков

Игорь Валерьевич Минаков

Владимир Борисович Данихнов

Мария Гинзбург

Игорь Валерьевич Минаков

Глеб Владимирович Гусаков

Классициум

Серия «Антологии (Снежный ком)»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2884775

Классициум. Антология: Снежный ком; Москва; 2012

ISBN 978-5-904919-31-3

Аннотация

Двадцатый век. Век стремительного взлета человечества, век атома, электричества и покорения Солнечной системы. Человеческая нога ступила на Марс, Венеру и спутники больших планет. Но одновременно двадцатое столетие это и гибель древнейшей марсианской культуры, и жестокие колониальные войны, и бунты, и мятежи, и Четвёртый Рейх на красной планете... Эрнест Хемингуэй, Эрих Мария Ремарк, Владимир Набоков, Александр Грин, Василий Шукшин, Николай Гумилев и другие классики мировой литературы в новом проекте издательства «Снежный Ком»!

Содержание

Александр Беляев. От составителя	6
И ракета взлетит!	8
Эрнест Хемингуэй. И ракета взлетит!	8
Глава первая	12
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	32
Глава шестая	36
Эрих Мария Ремарк. Смерть в займы	40
Эрнест Сетон-Томпсон. Мисо	86
1	89
2	91
3	95
4	100
5	105
6	108
7	113
8	117
Джек Лондон. Черный бок Япета	121
Герберт Уэллс. Плесень Бадамы	146
1	147
2	157

3	163
4	168
Эдгар По. Идеальный текст и таинственная история	176
1	179
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Классициум

Фантастическая антология нефантастической классики

**Александр Беляев. От составителя
(Автор: Ярослав Веров)**

Перед составителем Антологии, предлагаемой на суд широкой публики, стояла непростая задача. Двадцатый век. Век стремительного взлета человечества, век атома, электричества и покорения Солнечной системы. Человеческая нога ступила на Марс и Венеру, спутники больших планет – что может быть величественнее этих баснословных подвигов?

Но одновременно двадцатое столетие это и гибель древнейшей великой марсианской культуры, и жестокие колониальные войны, и бунты, и мятежи, и марсианский Четвёртый Рейх...

Сейчас, из нашего двадцать первого столетия, многое кажется смешным и нелепым, многих ошибок, казалось, можно было легко избежать. Но так лишь кажется нам, потомкам. Наши же деды и отцы кипели страстями, и страсти эти

нашли отражение в великой и могучей литературе своего времени. Отбирая произведения для настоящей Антологии, ваш покорный слуга руководствовался следующими принципами.

Во первых, наиболее полно представить (пусть даже и рассказом или скетчем) ряд писателей, заслуженно считающихся ныне классиками.

Во вторых, хоть как-то отобразить величественное историческое полотно Великого Столетия от запуска первого искусственного спутника Земли до окончания колонизации Венеры, Марса и тяжёлых спутников.

Ну, и в третьих, – будучи человеком русским, хотя и давно пустившим корни в красной марсианской почве, ваш покорный слуга предпочел разбить Антологию на две части, в первой он собрал классиков западных, а во второй – русских. Исключение составляет В. Набоков, создавший свою «Марсианку Ло-Литу» сразу на английском языке: его творчество представлено в обеих частях.

Засим откланиваюсь, а читателю желаю приятного погружения в кипящий страстями мир столетия, увы, уже прошедшего.

Искренне ваш, Александр Беляев

И ракета взлетит!

Эрнест Хемингуэй. И ракета взлетит! **(Автор: Владимир Данихнов)**

Эрнест Хемингуэй родился 21 июля 1899 года в привилегированном пригороде Чикаго – городке Оук-Парк, штат Иллинойс, США. Любимые занятия в детстве – чтение книг и рыбалка. Литературное призвание проявилось еще в школьные годы: Эрнест дебютировал в небольшой школьной газете. В основном он писал репортажи о спортивных состязаниях, концертах. Особенно популярными были ехидные заметки о «светской жизни» Оук-Парка. И уже в те годы он твердо решил стать писателем. Первые рассказы были напечатаны в школьном журнале «Скрижаль» в 1916 году. «Суд Маниту» – сочинение с северной экзотикой, кровью и индейским фольклором. В следующем номере Эрнест напечатал новый рассказ «Космос не для нас» – о закоснелости жителей городка. Юный Эрнест начинает интересоваться достижениями России в деле покорения космоса.

После выпуска из школы Хемингуэй не поступил в университет, как требовали родители, а переехал в Канзас-Сити, где устроился работать в местную газету «Star». Здесь сфор-

мировался его литературный стиль и привычка быть всегда в центре событий. Работать пришлось полицейским репортером – Эрнест знакомился с притонами, сталкивался с проститутками, наемными убийцами, бывал на пожарах и происшествиях. 20 января 1920 года он переезжает в Торонто, где пишет очерки для газеты «Toronto Star».

В 1921 году Эрнест женится на молодой пианистке Хэдли Ричардсон и вместе с ней отправляется в Москву, город, о котором давно мечтает. Он изучает русский язык, много путешествует по стране, знакомится с местными обычаями. Более всего он интересуется космическими достижениями. В Москве молодой Хемингуэй знакомится с Циолковским, большим энтузиастом идеи покорения космоса. Он пишет серию очерков об этом замечательном человеке и отправляет их в «Toronto Star». К сожалению, Хэдли не разделяет восторгов мужа: Россия оказывается для нее слишком чужой страной. В 1924 году супруги переезжают в Париж. В Париже Хемингуэй делает наброски романа «Внешние воды» – истории экзальтированного французского художника, мечтающего отправиться в космос, но ровным счетом ничего не делающего ради исполнения своей мечты. Роман не был закончен. Парижская жизнь затягивает писателя: салоны, случайные знакомства, «золотая молодежь», хлынувшая в Европу в поисках дешевых развлечений, прожигатели жизни. В 1927 году к писателю приходит первый настоящий успех. «И восходит солнце (Фиеста)» – пессимистичный, но в то же

время блистательный роман о «потерянном поколении» молодых людей, живших во Франции и Испании 20 х годов, вызывает бурю восторгов и обсуждений в Европе.

В 1929 году выходит роман «Прощай, космос!», в котором Хемингуэй использует наброски «Внешних вод». Роман, во многом автобиографичный, о молодом американском журналисте, который в силу обстоятельств отказывается от мечты. Роман не пользовался большим успехом. В декабре 1929 года Хемингуэй разводится с Хэдли Ричардсон, а в 1930 году возвращается в США. Он селится в городке Ки-Уэст, Флорида. Здесь он ловит крупную рыбу, путешествует на своей яхте к Багамским островам, Кубе и пишет новые рассказы. Постепенно к нему приходит слава большого писателя. Всё, что пишет Хемингуэй, мгновенно публикуется и расходится огромными тиражами. В 1931 году Хемингуэй совершает краткий визит в Россию и становится свидетелем запуска космического корабля «Святогор 1», совершающего первый орбитальный полет.

С 1932 по 1939 год Хемингуэй живет в Париже, путешествует, переписывается с Циолковским и Королевым. Он на время забрасывает писательство. В 1939 году писатель переезжает на Кубу, где возобновляет литературную деятельность. В 1940 году выходит роман «Куда звонит ракетчик» о тяжком труде конструкторов ракет. В романе используются элементы биографии талантливого инженера Сергея Павловича Королева. В 1952 году появляется повесть «Старик

и море» – о героическом и обреченном противостоянии силам природы. В 1953 году Эрнест Хемингуэй получил за эту повесть Пулитцеровскую премию. А в 1954 году исполняется давняя мечта Хемингуэя – на ракете «Витязь 2» он отправляется в космос. С 1954 по 1960 год писатель живет на Венере, охотится и рыбачит, общается с колонистами, ведет дневник. В это время появляются такие его рассказы, как «И ракета взлетит!» и «За ракетодромом, в тени деревьев», а позже – роман «Острова в бесконечности». В начале 1960 года писатель покидает Венеру и возвращается на Землю, в США, Кетчум (штат Айдахо).

Хемингуэй страдал от ряда серьезных физических заболеваний, в том числе от гипертонии и диабета, однако для «лечения» был помещен в психиатрическую клинику Майо, где психиатр игнорировал эти очевидные факторы и занимался только «психическими расстройствами». В качестве лечения применялась электросудорожная терапия. После двадцати сеансов Хемингуэй утратил память и способность формулировать мысли письменно: когда потребовалось, он не смог написать даже нескольких слов официального приветствия. Вот что сказал об этом сам Хемингуэй: «Эти врачи, что делали мне электрошок, писателей не понимают... Пусть бы все психиатры поучились писать художественные произведения, чтобы понять, что значит быть писателем... какой был смысл в том, чтобы разрушать мой мозг и стирать мою память, которая представляет собой мой капитал, и вы-

брасывать меня на обочину жизни?»

2 июля 1961 года в своем доме в Кетчуме, через несколько дней после выписки из психиатрической клиники Майо, Хемингуэй застрелился из любимого ружья, оставив предсмертную записку. В записке было всего два слова: «Прощай, космос».

Глава первая

Из окна четвертого этажа гостиницы открывался прекрасный вид на строящийся космодром. Космодром недавно окружили бетонным забором. С севера к забору вплотную подступал лес. Стволы сосен казались белыми из-за бабочек, которые их облепили. Ветер раскачивал ветви и срывал круглые синие листья и относил их к космодрому, а на месте сорванных очень быстро вырастали новые листья. Как только ветер стихал, над верхушками сосен начинали кружить желтые птицы, охотящиеся на бабочек. Бабочки искали убежище и, не умея толком летать, как снежная крупа, сыпались на выжженное поле космодрома. Вдоль стен ходили люди в желтых жилетах и в масках, с распылителями в руках, и травили бабочек. Фургоны, роботы-погрузчики и бульдозеры постоянно въезжали в ворота и выезжали из ворот космодрома, и всё это гудело, шуршало, вопило, и в первые свои ночи на Венере Джон Смит никак не мог уснуть. По ночам он спускался в ресторан и заказывал бутылку виски, и льда в бле-

стящем ведерке, и лимон, и щепотку соли к нему, а затем доставал толстую тетрадь и писал. Лед обычно успевал растаять, прежде чем молодой человек погружался в болезненную дрему.

Случалось, к нему присоединялась женщина лет тридцати-тридцати пяти, изящная, белокожая, в черном комбинезоне с множеством карманов и «молний». За беседой с ней виски и лед заканчивались очень быстро.

Женщину звали Элизабет.

– Вы не знаете, почему эти деревья за окном называют соснами? – спросил однажды Джон Смит.

Элизабет пожала плечами.

– Ерунда какая-то, – сказал Смит.

– На этой планете всё – ерунда.

– Я хочу сказать, что у венерианских сосен – листья, – сказал Смит. – Листья, а не иглы, как у настоящих сосен.

– Да, – сказала Элизабет.

– Вам не кажется это нелепицей?

– На этой планете мне всё кажется нелепицей.

Смит посмотрел на нее так, будто впервые увидел, и отметил, что сегодня у Элизабет круги под глазами, и тонкие пальцы, вцепившиеся в столешницу, вздрагивают, и появились морщинки – как трещинки в коре старого дерева, а глаза потускнели. Смит подумал, что почти ничего не знает о женщине, что сидит напротив, и что все эти ночи она больше слушает его, а сама говорит очень мало и часто отвечает

невпопад.

– Послушайте... – сказал он.

– Да?

– Послушайте, Элизабет, – повторил он, смущаясь. – Зачем вы прилетели на Венеру?

Она кротко улыбнулась, и Смиту показалось, что его оболачивает что-то теплое, ласковое. Он ждал ее ответа, но она молчала, сцепив руки в замок.

– Я не хотел вас обидеть, – сказал Смит.

– Я знаю, – сказала Элизабет и положила руку ему на запястье. – Не переживайте, Джон.

– Я пытаюсь понять, что такой красивой женщине понадобилось в джунглях Венеры.

– А что вам понадобилось на Венере, Джон?

Джон Смит покраснел. Он плеснул виски в стакан себе и Элизабет, затем достал щипцами, и кинул в виски пару кубиков льда, и поднял стакан.

– Скажите тост, – попросила Элизабет.

Он замялся: раньше она не требовала сказать тост, и ему ничего не шло в голову.

– Тогда я скажу, – заявила Элизабет. – И ракета взлетит!

Они молча выпили и отставили стаканы. Элизабет достала из кармана портсигар, вытащила дрожащими пальцами тонкую сигарету, французскую, с вкусовым фильтром. Джон протянул ей зажженную зажигалку, она благодарно кивнула и закурила. Табачный дым пах шоколадом, и Джон отчет-

го-то вспомнил об одной улочке в Париже, где каждый камень и каждый кирпич пропахли шоколадом, а еще ванилью и корицей, и где каждый второй дом занимает кондитерская, и двери кондитерских постоянно распахнуты, и мальчишки разносят сладости в плетеных корзинах и громкими голосами заывают покупателей. Джон жил в каморке на втором этаже над магазином, где продавались шоколадные пирожные, шоколадные торты и шоколадные конфеты, и с тех пор слова «Париж» и «шоколад» слились для него в единое целое.

– Вы – удивительный человек, Джон, – сказала Элизабет.

– Почему?

– Вы даже не спросили, откуда взялся такой чудный тост.

– Вы бы всё равно не ответили, – сказал Смит.

Она засмеялась, перегнулась через стол и потрепала его по щеке, и в ее движении не было желаний унижить, не было эротического подтекста, в ее пальцах жила лишь ласка и забота, и Джон Смит подумал, что она относится к нему как к любимому, но непутевому младшему брату.

– Я прилетел сюда за впечатлениями, – заявил он.

– Вот как, – сказала Элизабет.

– Дело в том, что я писатель.

Элизабет промолчала.

– Что скажете?

– Вы так молоды, – сказала она.

– Вы тоже, – сказал он.

– Ох, не льстите мне.

– Это правда.

Она промолчала, и стало так тихо, что Джон услышал, как качаются сосны, как гудит ветер в трубах, как похрапывает темнокожий мальчишка-официант в темном углу залы, как гремит посуда на кухне и как сонно переругиваются повара и слуги, как жужжит мошкара и как где-то глубоко под полом, под землей шевелится что-то чужое, инородное, что-то такое, что совсем не радо появлению землян на Венере, и ему стало страшно, и он захотел поскорее поделиться своими мыслями с Элизабет, чтоб избавиться от страха, и поднял на нее глаза, но в этот самый момент она поднялась, развернулась и молча ушла.

От нее остался легкий запах духов: легкий и пряный.

– До свиданья, Элизабет, – сказал Джон Смит.

Он даже не понял, услышала ли она.

Глава вторая

Когда Джон Смит привык к Венере, когда впервые сумел вволю отоспаться, когда ему перестало чудиться что-то враждебное и чужое под ногами, он решил, что пора навещать Ивана. Прижав к голове шляпу, чтоб не унесло ветром, и наклонив голову, он быстро шагал вдоль стены, стараясь не наступать на копошащихся на асфальте белых бабочек.

Иван жил в пристройке, приткнувшейся к гостинице с за-

пада. Это был двухэтажный домик, сооруженный меж трех сосен, расположившихся треугольником, и Иван жил в центре этого треугольника. Дверь в дом как всегда была открыта, и на ней висела табличка на трех языках с надписью «ВХОДИТЕ», и Джон Смит, постучавшись и не дождавшись ответа, вошел. Иван спал, откинув голову назад, сидя за столом, заваленным бумагами; он храпел, и бурая кошка сидела на столе, среди бумаг, и заунывно мяукала, тычась мордочкой Ивану в грудь. Иван был человеком богатырского сложения, краснолицым, с большими волосатыми ручищами, огромными волосатыми ноздрями, совершенно лысый и лоснящийся от пота, хотя в доме было прохладно – и всё в нем было большое и преувеличенное. Джон Смит задумался, как поделикатнее разбудить Ивана, но тут зазвонил телефон, стоявший где-то под столом, Иван мгновенно протянул ручищу вниз и, не раскрывая глаз, поднес трубку к уху.

– Алло, – сказал Иван. – Да. Да. Да. Нет. – Он повесил трубку и раскрыл глаза. Раскрыв глаза, Иван прежде всего посмотрел на кошку и сказал по-русски: – *Брысь!*

Кошка рассерженно мяукнула и спрыгнула со стола.

– Сладу с ней нет, – сказал Иван.

Джон Смит пожал плечами.

– Присаживайтесь, – сказал Иван.

Джон Смит сел напротив него.

– Акклиматизировались? – спросил Иван.

– Да.

– Превосходно.

Иван зашуршал бумагами, будто что-то искал, и Джон подумал, что этому великану место на боксерском ринге, или среди деревьев с топором в руках, или на стройке века, или у кузнечных мехов, но никак не среди бумаг.

– Простите, – сказал Иван.

– Да?

– Я забыл ваше имя, – признался богатырь.

– Джон, – сказал молодой человек. – Джон Смит.

– Такое обычное имя, – сказал Иван. – Немудрено, что я забыл.

Джон пожал плечами.

– Но ваш внешний вид я запомнил, – заявил он. – Вы не похожи на тех хлюпиков, что прилетают сюда в поисках дешевой романтики. Вы крепкий человек, Джон. В вас чувствуется сила.

Его грубоватая честность понравилась Смиту.

– Итак, – сказал Иван, – вы хотите увидеть настоящую Венеру, верно?

– Верно, – сказал Смит.

– Всё, что вы видели до сих пор, – заявил Иван, разводя руками, – это не Венера; это жалкий огрызок Венеры, зараженный присутствием человека. Бетонный забор – это не Венера. Уродливая гостиница – не Венера. Дома поселенцев, выжигающих вокруг себя всю живность в пределах пары километров, – это уж, конечно, не Венера. Да и как это может

быть Венерой, скажите на милость?! – Он стукнул кулаком по столу и раздраженно бросил: – Эти хлюпики прилетают в прекрасный новый мир и делают из него жалкое подобие мира старого.

Джон улыбнулся: положительно, этот человек ему нравится.

– Вы знаете, что такое настоящая Венера, Джон? – спросил Иван.

Джон понял, что ответа не требуется и благоразумно промолчал.

– Я вам покажу. Кис-кис. Иди сюда, *Мурка*.

Кошка, мяукнув, подбежала к Ивану, и он протянул руку, и схватил ее за шкурку и приподнял над столом, показывая Джону так, чтоб он мог внимательно разглядеть животное. Джон послушно уставился на кошку и вздрогнул, заметив, что у зверя под пушистым подбородком шевелятся щупальца, серые и склизкие; щупальца росли из тела кошки, и Джон почувствовал, как к горлу подступает кислый комок, сглотнул и, не выдержав, отвернулся – зрелище было отвратительным.

Иван удовлетворенно кивнул и отпустил кошку.

– Настоящая Венера во всей своей красе, – хмыкнул он. – *Мурка* живет с этим паразитом уже два года, я возил ее к ветеринару, и это был, черт возьми, лучший ветеринар из тех, которых можно найти на захудалой планете, и ветеринар исследовал мою *Мурочку* в течение недели, и знаете, что он

сказал, Билл?

– Джон, – сказал молодой человек. – Меня зовут Джон.

– Он сказал, Билл, – заявил Иван, – что моя старая кошка, которой, как я думал, осталось жить год, от силы два, помолодела, когда в нее проник этот чертов паразит, и что, может быть, – может быть! – я наткнулся на золотую жилу.

Иван вздохнул, сунул руку под стол и достал бутылку водки и два граненых стакана. Налил себе и, не спросив, – Джону.

– Как вы думаете, – сказал он, – Билл... Билл, верно? Как вы думаете, Билл, я на самом деле наткнулся на золотую жилу? Ответьте честно: позволили бы вы паразиту проникнуть в ваше тело ради обретения вечной молодости?

Джон представил, как скользкие щупальца висят под подбородком, как что-то мерзкое шевелится под кожей, и содрогнулся от отвращения, но тут же подумал, что вечная молодость, возможно, стоит того, и ответил честно:

– Я не знаю.

– Вот и я не знаю. – Иван залпом осушил стакан. – Конечно, мне хочется сказать: конечно, я бы не позволил! Но мы с вами молоды, Билл. Как мы ответим лет через двадцать? Кто знает. – Он утер губы рукавом и заявил невпопад: – А Мурку я им не отдам. И другого такого паразита им век не сыскать – по крайней мере, не в ближайшее время: я сам не знаю, как и где моя дуреха его подцепила.

– Вы – благородный человек, – сказал Джон.

– А вы – глупый турист, – заявил Иван. – Глупый турист, который начитался восторженных статей о Венере в «National Geographic». А статьи эти, Билл, писали хлюпки, которые, прилетев сюда, не вылезали из отеля. Вот вам еще одна правда о планете. Вы – глупый турист, – добавил он, не давая Смиту возразить, – но, черт возьми, вы мне нравитесь. Я вижу в вас искру. – Он погрозил Джону пальцем. – Однако если Венера покалечит вас вместо того, чтоб подарить вечную молодость, не приходите ко мне жаловаться, слышите? Я вас предупредил. – Он грозно уставился на Джона. – Скажите, Билл, я вас предупредил?

– Вы меня предупредили, – сказал Джон Смит.

– Мурка, я его предупредил? – спросил Иван у кошки.

Кошка свернулась клубком, уложив щупальца на пушистый хвост.

Иван протянул Смиту шариковую ручку и несколько желтоватых листов, испещренных машинописным текстом.

– Это контракт, – сказал Иван. – Распишитесь тут, тут и здесь.

Глава третья

В салоне летящего геликоптера было шумно, но все-таки не так шумно, как ожидал Джон Смит. Разговаривать можно.

Мужчина, которого звали Питер, высокий блондин в армейских брюках и кожаной куртке на голое тело, загорелый,

с улыбкой до ушей, не сходявшей с насмешливого лица, наклонился к Джону.

– Скажите, Иван показывал вам свою кошку? – спросил Питер.

Джон кивнул.

– А?! – закричал Питер.

– Да, – ответил Смит.

Питер удовлетворенно кивнул.

– Скажите, а Иван говорил вам, что она обрела вечную молодость?

Джон кивнул и поспешно добавил, заметив, что Питер снова собирается кричать ему в ухо:

– Да, говорил.

Питер захохотал:

– Боже, он не меняется! Надеюсь, вы не поверили ему?

Джон пожал плечами.

– А?! – закричал Питер.

– Он говорил убедительно! – закричал Смит.

– Конечно! Он всегда говорит убедительно, у него такая работа. Но он врет: ей– богу, врет!

Джон промолчал. Шумный сосед раздражал его. К тому же Смита больше интересовал пассажир геликоптера, сидевший напротив. Элизабет. Всё в том же черном комбине-зоне со множеством карманов и «молний» она примостилась на краешке сиденья, вжав руки в колени, и смотрела нару-жу, на бурлящее синее море деревьев, на облака мошкеры

и тучи листьев, взмывающих над джунглями и опадающих сухим дождем. Элизабет словно не замечала Джона, не замечала никого в салоне, и Джон Смит мог только гадать, о чем она думает, глядя на творящийся внизу хаос.

Рядом с Элизабет сидел мужчина, одетый, как охотник; на нем были тяжелые армейские ботинки, соломенная шляпа, надвинутая на глаза, в крепких руках он сжимал зачехленное ружье. Он дремал или притворялся, что дремлет.

– Сами подумайте! – кричал Питер. – Если бы кошка в самом деле обрела вечную молодость, ее бы давно забрали ученые!

– У нее щупальца на морде, – сказал Смит.

– Паразит? – Питер захохотал. – Их полно на Лазурных островах. Не советую занять себе такого. Хирургическое вмешательство обойдется в кругленькую сумму. Если, конечно, сразу не умрете от токсинов. Вы знаете, я видел человека, в которого проник паразит. Он весь посинел и дергался, когда шел, а изо рта у него постоянно текла слюна, и ему нечем было заплатить за операцию, чтоб удалить паразита. Ужасное зрелище. Говорят, его парализовало, но он выжил. Только разве это жизнь? Я думаю, лучше бы он умер.

– Может, его еще вылечат, – сказал Джон Смит.

– Не смешите меня.

Питер похлопал Смита по плечу.

– Иван сказал, что паразит – единственный в своем роде?

– Да.

– Сами подумайте! Он заманивает туристов выдумками!

Джон Смит пожал плечами. Он допускал, что случайный сосед прав. И тем не менее Питер выводил его из себя: и своей насмешливой улыбкой, и своей позой – он небрежно развалился в кресле и джунгли его, кажется, вообще не интересовали, и своим громким настырным голосом. То, что блондин говорил об Иване, Джона раздражало больше всего. Смит подумал, что Иван, наверное, искренне верит в свои фантазии – если это фантазии, конечно. Ему не хотелось думать, что Иван – прожженный лжец, готовый на всё ради того, чтоб продать билет на экскурсию в дикие венерианские джунгли.

– Если Иван такой лжец, почему вы воспользовались услугами его агентства? – спросил из-под шляпы человек, которого Джон окрестил охотником.

Питер ухмыльнулся:

– Остальные – еще большие лжецы.

Охотник хмыкнул.

– Такое чувство, что планета в ярости, – сказала Элизабет. Мужчины повернули к ней головы.

– Что? – спросил Питер.

– Посмотрите на джунгли: они похожи на человека, который в бессильном гневе пытается нас достать.

Питер рассмеялся.

– Леди, у вас богатое воображение!

– Может быть, – сказала Элизабет.

– Мы чужие здесь, – сказал охотник. – Мы как вооруженный грабитель, который вломился в чужой дом. На нашей стороне сила, и хозяева ничего не могут с этим поделать. – Кончиком пальца он приподнял поля своей соломенной шляпы, и Джон увидел его глаза, зеленые и жесткие, и кривящиеся тонкие губы, и узкий шрам на щеке, и недельную щетину, и седые волосы, прилипшие к потному лбу, и глубокие морщины на загоревшем до черноты лице, – охотнику было далеко за сорок.

– В свою первую охоту, десять лет назад, мы преследовали семейство рысей, – сказал охотник. – Местные рыси мало похожи на земных; это крупные твари размером с носорога, очень кровожадные; их шкуры ценятся у поселенцев. Мы надеялись на большую добычу. А знаете, что мы получили? – Он исподлобья посмотрел на Смита. – Ничего. Мы ничего не получили. Деревья вставали у нас на пути. Мириады насекомых жалили нас. Травоядные твари бросались под ноги, пытаясь сбить с ног. Земля под ногами размягчалась и превращалась в болото. Мы оказались неподготовлены к тому, что мы слишком чужие для этого мира. Что вчерашние враги объединятся, чтоб убить нас. – Он надвинул шляпу на лицо. – Во время той охоты погиб мой друг. С тех пор я охочусь сам, потому что не хочу видеть, как гибнут мои друзья. Прошло десять лет. Мне кажется, что джунгли привыкли ко мне и уже не воспринимают, как чужого.

– Вы не хотите видеть, как гибнут друзья? – переспросил

Питер. – Наверно, у вас друзей теперь и вовсе нет. Я прав?

Охотник молчал. Питер наклонился к Смигу и сказал достаточно громко, чтоб охотник мог слышать:

– Думаю, этот человек работает на Ивана. Сами видите: он пытается поддержать в нас интерес к туристической прогулке нелепыми байками.

– Вы не верите людям, – сказал Смит.

– У меня нет для этого оснований, – сказал Питер.

– Дайте воды, пожалуйста, – попросила Элизабет.

Джон Смит не понял, к кому она обращается, но протянул ей фляжку. Элизабет взяла фляжку в обе руки, открыла тонкими белыми пальцами крышку и сделала жадный глоток. Она замерла и закрыла глаза, и Джон смотрел на ее потрескавшиеся губы, смоченные каплей воды, на ее бледное лицо, на румянец на скулах и вдруг подумал, что женщина больна. Возможно, ее укачало. Смит наклонился к ней и дотронулся до ее руки. Элизабет вздрогнула и открыла глаза.

– Вам нехорошо? – спросил Смит.

– Я в порядке, спасибо, – сказала Элизабет.

Она вернула Смигу фляжку.

Джон посмотрел на часы.

– Мы скоро прилетим. Иван говорил, что возле руин есть поселок. Можно поискать врача.

– Спасибо, – сказала Элизабет. – Не надо.

Глава четвертая

Геликоптер сел на плато, возле самых руин. Смиту было страшновато выпрыгивать из геликоптера на венерианскую траву: он слишком привык к бетону под ногами. Но трава оказалась похожа на земную, податливая и мягкая, и у Смита создалось впечатление, что он ходит по роскошному персидскому ковру. Джон отчаянно захотел лечь на траву, как он делал когда-то на Земле, лечь и смотреть на чужое небо и на чужие облака и на чужих птиц. Но он не смог себя заставить: нелегко привыкнуть к тому, что трава синяя и покрыта чем-то вроде бесцветной слизи.

Горы, встававшие стеной на востоке, защищали руины от ветра. В развалинах древнего города царили пыль и забвение, и Джон с удивлением понял, что руины не вызывают в нем никаких особенных чувств, что нечто подобное он видел и в Греции, и в Италии, и у него не получается осознать, что руины остались от города, построенного нелюдьми, и он понимал, что ему больше интересны живые, дышащие зноем джунгли: колышущаяся синяя полоска, которая виднеется на западе.

Возле кабины геликоптера курил пилот, а рядом стоял пожилой мужчина, одетый в твидовый костюм, с фотографическим аппаратом на широкой груди. Джон Смит подошел к ним и тоже закурил.

– Хотите сфотографироваться на фоне руин? – спросил пожилой.

– Не особо, – признался Смит.

– У вас есть час, чтоб осмотреть руины, – сказал пилот. – Через час мы отбываем на водопады, потом к Чертовой горе, а затем летим обратно.

Джон обернулся и увидел Питера, который рыскал возле руин, словно напавший на след пес, и Элизабет, стоявшую, скрестив руки, у разрушенной белой колонны, а чуть дальше еще несколько геликоптеров, прилетевших сюда раньше них, и гадающих туристов, разглядывавших руины.

– Вы не видели, куда пошел охотник? – спросил Смит.

– Очевидно, вы имеете в виду Алистера, – сказал пожилой.

– Он ушел охотиться в джунгли, – сказал пилот.

– Идти черт знает сколько, – сказал Джон, вглядываясь в синюю полосу на горизонте.

– Алистер любит ходить, – сказал пилот и хохотнул.

– Ему нравится одиночество, – сказал пожилой.

Пилот уронил окурок и затоптал его каблуком.

– Он в самом деле охотится в одиночку? – спросил Смит.

– Да, – сказал пилот. – Он всегда охотится один. Через три или четыре дня мы подберем его здесь или возле водопадов и подбросим обратно.

– Удивительно, – сказал Смит.

– Однажды он не вернется, – сказал пилот. – Никому

не может везти вечно.

– Алистер не пропадет, – сказал пожилой.

– Ты то же самое говорил про Лоренте.

– Алистер сильнее Лоренте.

– Перед тем как пропасть, Лоренте одолжил у меня пятьдесят долларов, – сказал пилот. – С тех пор я не одалживаю деньги сумасшедшим охотникам.

– Ты просто скряга, Джош, – сказал пожилой.

– Может, я и скряга, – сказал пилот. – Но я не дурак.

– Ты дурак и скряга, Джош, – сказал пожилой.

Пилот сплюнул и полез в кабину. Пожилой поднял фотографический аппарат и сказал:

– Давайте я вас все-таки сфотографирую. Будет что показать на Земле.

Он сфотографировал Джона возле статуи, заросшей чем-то вроде плюща, и возле колонн, лежавших одна на другой, и возле круглого здания с обвалившейся крышей, и у анфилады причудливых черных арок, уходивших к горе и еще дальше – в гору. Джон проникся симпатией к пожилому фотографу, который любил свое дело, несмотря на то, что каждый день ему приходится фотографировать крикливых туристов на фоне одних и тех же развалин, одних и тех же гор, и одних и тех же джунглей.

Питер подозвал фотографа, и Джон Смит отправился искать Элизабет. Он нашел ее возле белого вагончика, двери которого были распахнуты, а на боку было намалевано си-

ней краской: «Кафе «У венерианских развалин»». Элизабет стояла возле дверей и смотрела внутрь. Из вагончика пахло жареным мясом, вареным картофелем и водкой.

– Хотите есть? – спросил Смит.

Элизабет покачала головой и промолчала.

– Пойдемте, я угощаю.

Он мягко взял Элизабет за руку и повел внутрь. Женщина послушно пошла за ним. Воздух в кафе был застоявшимся, выбор блюд не отличался разнообразием, однако кормили сытно и вкусно. Джон заказал для себя и Элизабет жареного мяса, несколько вареных картофелин, рассыпчатых и щедро политых оливковым маслом, и бутылку белого венерианского вина в прозрачном кувшине. Они расположились за круглым столиком в углу вагона, возле открытой двери, и всё равно им было душно. Вино было чересчур кислое, но холодное, и они пили его с удовольствием.

– Вам, кажется, не доставляет удовольствия наша прогулка? – спросил Смит.

Лицо женщины покраснелось и уже не выглядело таким болезненным, как в геликоптере. Она улыбнулась Смит и промолчала.

– Любопытно, что за мясо мы едим, – в шутку сказал Джон. Ему хотелось развеселить женщину.

– Это свинина, – сказала Элизабет.

Джон Смит разочарованно хмыкнул.

– Мясо венерианских животных непригодно в пищу, –

сказала Элизабет.

– И тем не менее охота на Венере процветает, – заметил Джон.

– Современные мужчины охотятся не ради пропитания.

В голосе женщины Смит почувствовал горькую иронию, и подумал, что впервые нащупал тему, ей интересную, и ему захотелось разговаривать Элизабет, чтоб понять, что ею движет и зачем она оказалась на Венере.

– Вы – американец? – спросила Элизабет.

– Да, – сказал Джон.

– Он тоже был американцем, – сказала Элизабет, допивая вино. – Он обещал мне горы, моря и звезды, он обещал мне вечную любовь и великое счастье, он вскружил мне, молодой дурочке, голову, и я поверила ему. – Элизабет взяла бокал, и Джон подлил ей вина. – Мы путешествовали, мы видели моря и горы, мы видели и счастье, и горе, и мир, и войну, и мы всегда были вместе, но два года назад он улетел. Без меня.

– Улетел?

– Он улетел на Венеру и больше не вернулся.

Элизабет посмотрела на Джона сквозь стекло бокала, и Смит поймал себя на мысли, что хочет обнять ее и пожать и сказать на ухо что-то успокаивающее, и, подумав так, молодой человек понял, что вино оказалось крепче, чем он ожидал, и он уже изрядно пьян, но останавливаться не захотел и заказал еще один графин. Они выпили еще по бокалу,

и Элизабет произнесла свой коронный тост «И ракета взлетит!», а Джон предложил выпить за космических первопроходцев, храбрых космолетчиков зари космической эры, и Элизабет с удовольствием поддержала его тост, а затем они болтали о пустяках, будто старые знакомые, и Джон поклялся Элизабет, что больше никогда не выпьет виски и что отныне будет пить только охлажденное венерианское вино. Элизабет смеялась.

– Этот «он», о котором вы говорили... ваш муж? – спросил Джон. – Вы прилетели на Венеру искать мужа?

Элизабет грустно улыбнулась.

В вагон заглянул Питер. Он ухмыльнулся, увидев Джона и Элизабет вместе, и Смит захотелось ударить его по наглой, ухмыляющейся роже, и желание было таким сильным, что он с большим трудом удержал его в себе.

– Вот вы где, – сказал Питер.

– Да, именно здесь, – с вызовом ответил Смит.

– Тогда поторопитесь. Геликоптер взлетает через пару минут.

Глава пятая

Элизабет стояла на каменном выступе, совсем рядом с водопадом, а вода падала с тридцатиметровой высоты мимо выступа, и водяные брызги окружали Элизабет, и волосы мокрыми прядями облепили ее лицо. Джону показалось, что

Элизабет плачет, но он не был уверен, есть ли слезы на ее лице или это только вода. Внизу разговаривали люди, работали двигатели, лаяли собаки. Внизу, под водопадом, располагался поселок – форпост человеческой расы. Джунгли подступали к нему очень близко, и возле бетонного забора, с пропущенной поверху колючей проволокой, дежурили люди с винтовками, а на вышке курил пулеметчик.

Джон Смит подошел к Элизабет и стал рядом. Он увидел большую каменную табличку на скале. На табличке перечислялись имена и фамилии.

– Вот я и нашла его, – сказала Элизабет.

Смит не знал, что сказать.

– Дайте воды, – попросила Элизабет.

Смит протянул ей фляжку, и она взяла ее в обе руки, и дрожащими пальцами отвинтила пробку, и сделала жадный глоток. К ним подошел Питер. Он снял кожаную куртку и держал ее в руке. Голый торс Питера блестел от воды. Смит заметил несколько шрамов у него на груди и на животе.

– Два года назад здесь случился последний Подъем, – сказал Питер.

– Последний Подъем? – переспросил Смит.

Блондин усмехнулся.

– Конечно, вы не слышали об этом. Туристам не рассказывают о Подъеме, чтоб не пугать.

– Расскажите, – предложил Смит.

Блондин уставился на табличку.

– Когда люди только начали колонизацию Венеры, Подъемы случались часто. Примерно раз в полгода. Подъем – это джунгли, поднимающиеся на человека. Это восставшая природа. Это животные, обезумевшие от ярости, атакующие наши поселения сотнями, тысячами, миллионами, черт подери. Иван не говорил вам об этом, Джон? Конечно, нет. Поэтому я и не люблю его. Он забивает головы туристам романтическими бреднями. Он обещает показать настоящую Венеру, а настоящая Венера вот она, в именах и фамилиях. – Питер кивнул на табличку. – Это жертвы последнего Подъема, который случился после трехлетнего перерыва. Тогда погибло очень много людей. Хороших людей. Они могли бы выжить, если бы подготовились. Но они поверили, что больше не будет Подъема. Если б им не забивали головы романтическими бреднями, они могли бы подготовиться и выжить. Понимаете?

У Элизабет дрожали плечи. Повинуясь порыву, Джон Смит обнял ее.

– Вы тоже в плену сказок, – сказал Питер. – Эта планета убьет вас, если не успеете вовремя улететь.

– Прошу вас, уйдите, – сказал Смит.

– Видите эти шрамы? – Питер хлопнул себя по животу.

Смит молчал.

– Я пережил Подъем, потому что был готов, – сказал Питер. Он сплюнул с обрыва, развернулся и по широкой каменной лестнице, выбитой в скале, поспешил вниз, к поселку,

а Джон и Элизабет остались наверху, на каменном выступе, и она смотрела на табличку, и Джон тоже разглядывал табличку, хоть и не представлял, как звали ее любимого человека, и пробовал чужие имена на вкус и пытался представить, что это были за люди.

– Этот человек не прав, – сказала Элизабет.

Джон Смит молчал.

– Иван – хороший парень, – сказала Элизабет. – Иногда он привирает, но не всем людям стоит говорить правду.

– Наверное, – сказал Смит.

– Иван рассказал мне, как погиб мой мужчина, – сказала Элизабет. – Вместе с другими на этом каменном выступе он прикрывал отход женщин и детей к вертолетам. Мой мужчина погиб как герой. Именно он организовал отступление. Если бы не он, погибли бы все.

Джон Смит подумал, что не всегда и не всем надо говорить правду, и кивнул.

– Уверен, так оно и было, – сказал он.

Элизабет сжала его руку своими тонкими пальцами, и Джон почувствовал, какие они у нее холодные, и захотел согреть их.

– Джон, – сказала Элизабет, – вы бы смогли полюбить меня так, как любил меня мой мужчина?

– Не знаю, – ответил Смит.

Она крепче прижала его к себе.

– Но хотя бы здесь и сейчас вы сможете полюбить меня?

Джон Смит подумал, что не всегда и не всем надо говорить правду.

— Смогу, — сказал он.

Она повернулась к нему лицом и закрыла глаза, и ее лицо было мокрым от воды, а губы дрожали. Смит наклонился и поцеловал ее в щеку, и щека была соленой, и он поцеловал ее в губы, и губы тоже были соленые, и тогда Джон крепко прижал Элизабет к себе, и они стояли так очень долго и молчали, а мимо проходили туристы и поселенцы, и пожилой фотограф остановился возле них, и поднял фотографический аппарат, и долго в них целился, но в конце концов передумал фотографировать, опустил аппарат и тяжелым шагом пошел прочь.

Глава шестая

Иван сидел на скамейке возле дома, шурясь на заходящее солнце, и белые бабочки, не умея взлететь, копошились у него под ногами, и кошка Мурка лежала у него на коленях, и он гладил ее, а она мурлыкала и щупальца на ее подбородке нежно щекотали Иванову штанину. Джон Смит остановился рядом с ним, стараясь не наступить на бабочку, достал сигарету для себя и угостил сигаретой Ивана.

Они закурили.

— Хороший табак, — сказал Иван. — Американский?

— Французский, — сказал Джон.

– Мы не виделись несколько дней, – сказал Иван. – Скажите честно, Билл: вы увидели настоящую Венеру?

Смит пожал плечами. На языке крутился язвительный ответ, но ему не хотелось обижать Ивана. Что бы ни случилось, русский великан нравился ему. К тому же Смиту казалось, что он понимает его.

– Я слышал, вы писатель, Билл, – сказал Иван.

– Не очень известный, – сказал Смит.

– Прилетели на Венеру за новыми впечатлениями?

– Наверное, – сказал Джон Смит.

– И как? Много новых впечатлений подарила вам Венера?

– Я думаю, – сказал Смит задумчиво, – что дело не только и не столько в Венере. Большую часть впечатлений мне подарили люди.

Иван промолчал.

– Я встречаю людей, – сказал Смит, – и они проходят мимо меня, или останавливаются, чтоб поговорить, а затем идти дальше, или идут рядом и только потом исчезают, или остаются со мной навсегда, и у каждого из них своя история, своя правда, своя ложь, и я не вижу Венеры за лицами этих людей: и Венера, и Марс, и даже Земля кажутся мне незначительными пятнышками по сравнению с жизнью этих людей, и мне хочется написать о них, о каждом из них, мне хочется подобрать самые точные и яркие слова, чтоб все они, даже случайные попутчики, навеки остались со мной.

– Проклятье, – сказал Иван, роняя окурок. – Пальцы об-

жег. – Он ухмыльнулся. – Заслушался я вас, Билл.

– Меня зовут Джон, – сказал Джон Смит.

– Как скажете, Билл.

Застрекотали винты. На бетонную площадку, метрах в ста от них, опустился вертолет. Из салона выпрыгнул мужчина в охотничьем костюме, с зачехленным ружьем за плечом. Придерживая рукой соломенную шляпу, он поспешил к ним. Со стороны космодрома налетел порыв ветра и закружил вокруг охотника мертвых бабочек с опаленными крыльями, и он шел сквозь них, как сквозь метель, и бабочки хрустели у него под ногами. Сбоку у охотника висел раздутый ягдташ, из которого выглядывала рыжая шкурка; на коротком ремешке болталась мертвая синяя птица. Смит сразу узнал охотника и обрадовался, потому что хотел поподробнее расспросить его об охоте.

Иван согнал кошку с колен, поднялся и встретил мужчину богатырскими объятиями.

– С возвращением, дружище Алистер! – прогремел он.

– Здравствуй, Иван, – сказал охотник. – Ты приветствуешь меня так, словно боялся за мою жизнь.

– Ты ошибаешься, – сказал Иван, отпуская его. – Я уверен в тебе на все сто. – Он кивнул на Джона: – Знакомься, это мой друг. Писатель.

– Мы знакомы, – сказал Алистер.

Они с Джоном пожали друг другу руки.

– Пойдемте выпьем, друзья, – сказал Иван.

– Я не против промочить горло, – сказал Алистер. – Но после твоего дрянного пойла еще больше хочется пить.

– Спасибо за комплимент, дружище.

Они вошли в дом, и Иван сгреб со стола все бумаги и сбросил на пол. Он достал бутылку водки, три граненых стакана и банку с солеными огурцами и налил каждому до краев, вручил Джону и Алистеру по огурцу и поднял свой стакан.

– Два года назад, – сказал Иван, – на Венеру прилетел один замечательный человек. Я не помню его имени, но помню, как мы пили с ним водку, и помню тост, который он произнес. Это был отличный тост, хоть я и не знаю до сих пор, что он означает. Но в нем, друзья, есть вера в жизнь. В нем, черт возьми, есть сама жизнь! Думаю, это был тост первых космонавтов.

Алистер и Смит молча ждали.

Иван поднял стакан повыше и провозгласил:

– И ракета взлетит!

И каждый из них выпил до дна.

Эрих Мария Ремарк. Смерть взаимны

(Автор: Мария Гинзбург)

Эрих Мария Ремарк (Erich Maria Remarque). Родился 22 июня 1927 года, Оснабрюк, Германия, Земля, умер 25 сентября 2001 года, Локарно, Швейцария, Земля. Псевдоним Эриха Пауля Ремарка (Erich Paul Remark), одного из наиболее известных и читаемых писателей Земли двадцатого века.

Ремарк родился в Оснабрюке, Германия, в католической рабочей семье. В 1943 году покинул Землю с первой волной колонистов Марса. Как и многие первопоселенцы, он пытался убежать из мира «священной чистоты крови», но и как всем остальным, убежать ему не удалось. Во время Реконструкции Рейха на Марсе нацисты сжигают его книги, объявляют Ремарка полумарсианином-полуевреем. Это, разумеется, было ложью, так как Ремарк родился за пятнадцать лет до того, как Первая экспедиция высадилась на Марсе, но тем не менее этот «факт» безосновательно повторяется во многих его биографиях. Сам Ремарк избежал преследований марсианских нацистов, поскольку с 1960 года жил на Венере, куда перебрался вместе со своей женой Ильзой Джин Замбви (Ilsa Jeanne Zamboui), а в 1964 году они получили венерианское гражданство. Однако в 1965 году Ремарк вступает в Марсианский освободительный легион добровольцем.

В ходе Освобождения Марса несколько раз был ранен. В течение своей жизни Ремарк часто менял профессии, работал библиотекарем, водителем марсианского корабля и дальнобойщиком, бизнесменом, учителем, редактором. Побывал практически на всех обитаемых планетах, включая Внешние Миры, – в качестве колониста, журналиста и военнопленного.

В 1969 году Ремарк публикует роман «Время умирать и время летать». Это был уже пятый роман Ремарка, и к тому времени он уже обладал значительной популярностью, но именно этот роман сделал его самым читаемым писателем во всей Солнечной системе. Роман обладал ярко выраженной антинацистской и антивоенной направленностью, призывал к мирному сотрудничеству и диалогу не только людей разных рас и религий, но представителей разных планет. Голливуд (крупная земная киностудия. – **Прим. ред.**), снимает по роману фильм, так же пользовавшийся сногшибательным успехом. Не обошлось и без скандалов; широкие взгляды Ремарка намного опередили свое время. Необходимо помнить, что примерно в это время Хемингуэй пишет свой роман «Венерианское сафари», где один из героев произносит ставшую крылатой фразу: «Я скорее буду пить из одной фляги с негром, чем с венерианцем!» С тех пор и до самой своей смерти Ремарк никогда не нуждался в деньгах; только в Голливуде были экранизированы шесть его романов. Он продолжает писать, ведет богемную жизнь, много пьет и увлекается

женщинами. Ремарк и Замбви дважды вступали в брак и разводились. В 1989 году Ремарк женился на известной марсианской киноактрисе Полетт Годар (Paulette Goddard), и они оставались женаты до его смерти в 2001 году.

В 1997 году Ремарк вернулся на Землю, в Швейцарию, где когда-то давно по совету друзей приобрел виллу, на которой все эти годы хранилась его коллекция импрессионистских полотен и других объектов искусства. Там супруги и прожили остаток жизни. Умер Ремарк 25 сентября 2001 года в возрасте 73 х лет в городе Локарно и похоронен на швейцарском кладбище Ронко в кантоне Тичино. Годар похоронена рядом с ним.

Мимо проплывали улицы, ярко освещенные подъезды, огни домов, ряды фонарей, сладостная, мягкая взволнованность вечернего бытия, нежная лихорадка озаренной ночи, и над всем этим, между краями крыш, свинцово серое большое небо, на которое город отбрасывал свое зарево.

– Обьездную дорогу всё еще строят, – сказал Клерфэ, чтобы нарушить молчание, царившее на палубе его небольшого корабля. – Мы с вами проедем через пригороды Уайлдертауна, а затем перекусим у Паркхилла и двинем на Айронсити по каналу.

В Айронсити жил дядя Лилиан. Девушки, что сидела рядом с Клерфэ. Она молча кивнула. Очевидно, маршрут, предложенный Клерфэ, ее вполне устраивал. Лицо ее было

серьезным, оно показалось Клерфэ совсем чужим, но очень красивым. Было в нем что-то от таинственной тишины, которая свойственна природе – деревьям, облакам, животным, – а иногда женщине. Они с Клерфэ познакомились в санатории, расположенном в самом центре Дрисколл-Фореста. Клерфэ приехал проведать старого друга – гонщика. Лилиан решила покинуть санаторий, в котором провела, по ее словам, последние семь лет. Она попросила Клерфэ помочь ей добраться до Айронсити.

Они ехали по тихим загородным улицам. Ветер усилился, и казалось, что он гонит ночь перед собой. Вокруг большой площади стояли небольшие дома, уснувшие в маленьких садиках. Над головой путешественников тихо плескались голубые паруса корабля.

– Как хорошо, – сказала Лилиан. – Будь у меня корабль, я бы каждый вечер совершала на нем медленные прогулки. Всё кажется совсем неправдоподобным, когда так бесшумно скользишь по улицам. Всё наяву, и в то же время – как во сне. Тогда по вечерам никто, пожалуй, и не нужен...

Клерфэ ловко достал пачку сигарет одной рукой, открыл и выбил из нее сигарету. Вторая рука его лежала на гладком, словно сделанном из кости штурвале корабля. Разрывать контакт с кораблем было нельзя ни на секунду.

– А ведь вообще вечером хочется, чтобы кто-нибудь был рядом, правда? – сказал он и прикурил.

Она кивнула:

– Вечером, да... Когда наступает темнота... Странная это вещь.

– Хотите немного поводить? – спросил Клерфэ. – Это доставит вам удовольствие.

– Конечно, хочу; только я не умею, – кивнула Лилиан. – Говорят, что корабли марсиан отзываются не каждому человеку.

– Это правда, – согласился Клерфэ. – Но мы уже посоветовались с Карлом.

Так, насколько удалось понять Клерфэ, кораблю хотелось, чтобы его называл его водитель. И он его так и называл.

– И он согласен пустить вас за штурвал, – закончил Клерфэ.

Лилиан улыбнулась.

– Вы совсем не умеете водить? – спросил Клерфэ.

– Нет. Меня никогда не учили.

– Волков мог бы давным-давно обучить вас, – сказал Клерфэ.

Так звали весьма надменного господина, в компании с которым он встретил Лилиан в первый раз. Однако Лилиан покинула санаторий одна, на корабле Клерфэ – хотя у Волкова был свой собственный корабль, напоминающий золотую бабочку. И Клерфэ воспользовался случаем узнать, что бы это всё значило.

Она рассмеялась:

– Борис слишком влюблен в свою Патрицию.

Не у всех корабли выбирали себе мужские имена; у некоторых водителей были и корабли-девушки.

– Никого к ней не подпускает, – закончила Лилиан.

– Это просто глупо, – заявил Клерфэ. – Вы сразу же поедете сами. Давайте попробуем.

Корабль остановился. Клерфэ снял руку со штурвала и поднялся, чтобы поменяться местами с Лилиан.

– Но ведь я действительно не умею водить, – смутившись, сказала она.

– Неправда, – возразил Клерфэ. – Умеете, но не догадываетесь об этом.

Когда Лилиан пробиралась к штурвалу вдоль узкой скамьи, ее бок в легкой шубке коснулся тела Клерфэ. Она напонила ему маленького медвежонка из детской книжки. Клерфэ показал ей, как переключать скорости и выжимать сцепление.

– На самом деле, это совсем не то, что рычаг скоростей в земной машине, и сцепления тут тоже нет, – сказал он в заключение. – Но так проще и понятнее нам, землянам. И корабли согласились разговаривать с нами на понятном нам языке.

– Интересно, почему, – пробормотала Лилиан. – Почему они вообще согласились подчиниться людям?

– Этого никто не знает, – ответил Клерфэ. – Я думаю, что они столько простояли без дела, что им снова захотелось мчаться по пустыням и дорогам. Но без водителя они не мог-

ли этого сделать. А теперь трогайте! – добавил он резко.

– Минутку!

Она показала на одинокий автобус, медленно кативший по улице.

– Не пропустить ли его?

– Ни в коем случае!

Клерфэ крутанул штурвал под ее рукой, и корабль стронулся с места. Лилиан судорожно вцепилась в рулевое колесо, напряженно вглядываясь вперед:

– Боже мой, мы едем слишком быстро!

Клерфэ посмотрел на спидометр. Это был один из весьма немногих приборов, которые землянам удалось разместить на кораблях марсиан, включить их в схему чуждых и совершенных, почти живых механизмов.

– Прибор показывает ровно двадцать пять километров в час. Неплохой темп для стайера.

– А мне кажется, целых восемьдесят.

Через несколько минут первый страх был преодолен. Они ехали вниз по широкой прямой улице. Корабль слегка петлял из стороны в сторону. Иногда колеса почти касались тротуара. Но постепенно дело наладилось, и всё стало так, как и хотел Клерфэ: в машине были инструктор и ученица.

– Внимание, – сказал он. – Вот полицейский!

Добродушный сержант, зевая, стоял на перекрестке и даже не смотрел в их сторону.

– Остановиться?

– Уже слишком поздно.

– А что если я попадусь? Ведь у меня нет водительских прав.

– Тогда нас обоих посадят в тюрьму.

– Боже, какой ужас!

Испугавшись, Лилиан пыталась передвинуть пальцы на лепесток штурвала, означавший торможение. Но с не привычки у нее не получилось растопырить пальцы так широко, как требовалось.

– Дайте газ! – приказал Клерфэ. – Газ! Жмите крепче! Надо гордо и быстро промчаться мимо него. Наглость – лучшее средство в борьбе с законом.

Полицейский не обратил на бронзовую бабочку, промчавшуюся мимо во всем блеске своих серебристо-голубых парусов, никакого внимания. То время, когда марсианские корабли на улицах поселков землян были в диковинку, давно прошло. Девушка облегченно вздохнула.

– До сих пор я не знала, что регулировщики выглядят, как огнедышащие драконы, – сказала она.

Лилиан сделала несколько поворотов, издавая при этом взволнованные, короткие восклицания. Фары встречных машин вызывали в ней дьявольский страх и такую же гордость, когда они оказывались позади. Вскоре в маленьком пространстве между штурвалом и удобной скамьей водителя возникло чувство товарищества, какое быстро устанавливается в практических делах.

И когда через полчаса впереди показалась сияющая в ночи, словно шкатулка с драгоценностями, сосисочная Сэма Паркхилла, и они снова поменялись местами – Клерффэ не мог Лилиан позволить рулить на автобане – они оба почувствовали такую близость, будто рассказали друг другу историю всей своей жизни.

Два шоссе встречались здесь и вновь расходились, исчезая во мраке. Одно вело в мертвый город марсиан и дальше, на рудники, а второе – в поселок Сто первый. День и ночь по обеим дорогам грохотали грузовики. У самого перекрестка Сэм Паркхилл воздвиг из остатков своей ракеты, которые скрепил заклепками, свою закусочную. Когда Клерффэ и Лилиан подъехали, здание, против обыкновения, не дрожало от рева музыкального автомата. Над входом висела вывеска: «Горячие сосиски Сэма». Это был единственный на сотни миль бесплодной пустыни очаг света и тепла. Точно сердце, одиноко бьющееся в исполинском черном теле. Сэм Паркхилл прибыл на Марс в составе Четвертой экспедиции и, как многие космонавты, уже не вернулся на Землю. Несмотря на солидный возраст и обилие помощников, он еще сам иногда становился за кассу. Так случилось и в этот вечер.

– Мне ничего было не надо, я только хотел завести сосисочную, первую, единственную на Марсе, центральную, можно сказать. Понимаете? – говорил он, со сверхъестественной ловкостью выкладывая заказ на поднос. – Подавать лучшие на всей планете горячие сосиски, черт возьми, с пер-

цем и луком, и апельсиновый сок.

Лилиан вдохнула запах кипящих сосисок, горячих булочек, сливочного масла. Она никогда раньше не бывала в таких местах. Строго говоря, она единственный раз вкушала пищу в публичном месте в возрасте пятнадцати лет, и это был «Оптимум» – шикарный ресторан в Айронсити, куда отец созвал всю их большую тогда семью на юбилей своей дочери.

А потом была война и санаторий. Лилиан отвыкла от большого количества людей, да и в санатории пациенты двигались по дорожкам соснового бора плавно, неторопливо, глубоко вдыхая целебный воздух. Здесь же в огромном зале могли одновременно разместиться не менее ста пятидесяти человек. Сейчас зал был заполнен всего на треть, свет над остальными столиками был погашен. Но и полусотни дальнобойщиков в синих и зеленых комбинезонах, заляпанных машинным маслом, в оранжевых и черных платках, которые они повязывали на голову подобно старинным пиратам, которые одновременно ели, и переговаривались друг с другом, и стучали пустыми кружками по столам, призывая мальчишку принести еще пива, хватило, чтобы ошеломить Лилиан. Когда они с Клерфэ покинули корабль и шли к закусочной, девушка запнулась об окаймляющий дорожку бордюр из битого стекла и чуть не упала, но Клерфэ ловко поймал ее.

– Лучшие горячие сосиски на двух планетах! Первый торговец сосисками на Марсе! Лук, перец, горчица – всё луч-

шего качества! Что что, а растяпой меня не назовешь! – энергично продолжал Паркхилл. Лилиан слушала его, хлопая глазами, как мультипликационная зверюшка. – Я работал как одержимый, да, мэм! Кипятить сосиски, подогревать булочки, перечный соус варить, картошку чистить и жарить, чистить и резать лук, приправы расставить, салфетки разложить в кольцах, и чтобы чистота была – ни единого пятнышка!

– И ты сделал это всё один, – смеясь, сказал Клерфэ.

– Он смеется над старым Сэмом, – доверительно сообщил Паркхилл Лилиан. – Смейся, смейся, несчастный, а ведь дядя Сэм специально для этого стервеца заварил фирменный кисло-сладкий соус! Конечно, я был не один, мэм, мне помогала моя Эльма, добрая, работающая Эльма. Теперь она уже не ходит, только я по-прежнему кручусь тут, в этом аду.

Он положил свернутые в кольцо салфетки на край подноса. Клерфэ рассчитался, и они с Лилиан прошли к свободному столику.

– Он всегда так? – спросила Лилиан.

Паркхилл оглушил ее.

– Нет, – ответил Клерфэ. – Мне кажется, он хотел произвести на тебя впечатление.

– Ему это удалось, – пробормотала девушка.

Они устроились за действительно очень чистым столом и принялись за еду. Сосиски оказались выше всяких похвал. Горячий сок так и брызгал, горчица обжигала рот, картош-

ка была в меру прожарена, и даже кока-кола была остужена именно так, как надо.

– А вы с ним давно знакомы? – спросила Лилиан. – Ты работал дальнобойщиком?

– Да, – сказал Клерфэ. – После войны я жил здесь, гонял свой грузовик на рудник и обратно. Потом мне это надоело, и я уехал в Детройт Два. Там как раз тогда нашелся один умник, которому удалось выйти на контакт с кораблем. Они уже тогда все принадлежали государству, и власти не знали, что с ними делать. Узнав, что корабль можно оживить, власти объявили кастинг. Любой мог прийти, коснуться корабля и попробовать стать его капитаном. И я решил сходить. Потом корабли расползлись вместе со своими водителями по автомобильным компаниям. Их продали за бесценок, государству они были не нужны. Сэм – мой самый старый поклонник, он не пропускает ни одних гонок, где я участвую. Он смотрит их по стереовизору, и если случается так, что некому стоять у кассы, то закрывает заведение. У него тоже есть корабль, но он не откликнулся на руки Сэма, а он, как Волков, оказался очень ревнивым собственником.

– И где же теперь этот корабль? – спросила Лилиан.

Внезапная догадка осенила ее. Девушка вздрогнула.

– Неужели он разломал его?

– Нет, конечно. Корабль стоит в саду. Тем своим гостям, которые ему очень нравятся, Сэм его даже показывает. Если мы поедем сейчас, – добавил Клерфэ, – то доберемся до

Айронсити часам к трем ночи. Но мы можем остаться и переночевать здесь.

Светлые глаза Лилиан остановились на нем.

– Я бы предпочла ехать сейчас, – сказала она и добавила, спохватившись: – Или ты устал? Тогда давай останемся здесь, конечно. Я уверена, что простыни у Сэма такие же ослепительно чистые, как и столы.

– Нет, я не устал, – сказал Клерфэ. – Я люблю водить ночью, и я специально выспался днем.

Лилиан представила на миг, что должен ощущать водитель, несущийся на своем корабле по ночной пустыне. Древние марсианские горы, мертвые города марсиан из стекла и кварца, шахматными фигурками застывшие на черных склонах, две луны в звездном небе, ветер, свистящий в парусах...

«Да он романтик, – подумала Лилиан и с трудом сдержала улыбку. – Притом, видимо, тайный».

– Но если ты захочешь спать, у меня в корабле есть пуховый спальный мешок, – продолжал Клерфэ. – Ты завернешься в него и чудесно выспишься по дороге. Пустыня здесь ровная, как тарелка, и качать на кочках тебя не будет.

– Посмотрим, – кивнула Лилиан.

Они уже закончили со своими сосисками и картошкой. Поднявшись из-за стола под восхищенными взглядами дальнобойщиков, Лилиан направилась к выходу.

Сэм Паркхилл обнаружился во двореке. Раньше он сам

подметал дорожку и стоянку перед своей закуской. Сейчас же он стоял и смотрел, как трудится механическая метла.

– Как, вы уже уезжаете? – огорчился Паркхилл, увидев их.

– Да, – ответил Клерфэ.

– Спасибо за сосиски, правда очень вкусно, – сказала Лилиан.

Сэм покосился на Клерфэ.

– Вы очень торопитесь, как я вижу, – проворчал он. – А я хотел показать твоей даме кое-что необычное.

Лилиан сразу догадалась, что, но не произнесла ни слова. Клерфэ усмехнулся и произнес:

– Пять минут у тебя есть.

Он демонстративно извлек пачку сигарет из кармана кожаной куртки, а также зажигалку, и принялся неторопливо выбивать сигарету из пачки. Сэм направился в обход своего заведения по широкой дорожке. Лилиан последовала за ним.

Как и говорил Клерфэ, корабль Паркхилла стоял в саду. Наверняка вырастить его в пустыне было нелегким делом, хотя, с другой стороны, опыт Дрисколла показал, что нет ничего невозможного для настойчивого человека. Корабль марсиан стоял между яблонями, тонувшими в белой пене собственных цветов. Аромат цветения был так силен, что перебивал даже запах сосисок и лука. И, с точки зрения Лилиан, изумрудный корпус и серебристо-серые спущенные паруса марсианского корабля смотрелись в окружении цветущих яблонь очень гармонично.

– Очень красиво, особенно среди этих цветов, – честно сказала она.

– Да, – сказал Паркхилл и вздохнул. – Я часто хожу сюда, смотрю. Раньше я думал, что когда-нибудь встану за руль и помчу мою Эльму по пустыне. И она будет улыбаться мне. Но не сложилось. И теперь я думаю, что мой корабль был мудрее меня. «Ты уже нашел свой причал, Сэм, – вот что он хотел сказать мне. – Хватит нестись сквозь пустоту».

Он любовно погладил бронзовую завитушку на боку корабля.

– Если вы коснетесь руля, вы услышите его мысли так же, как слышу их я, – сказал Сэм решительно. – Забирайтесь!

Лилиан не стала с ним спорить. Корабль ей действительно понравился. Сэм соединил руки, сделав небольшую ступеньку, какую делают, когда хотят помочь всаднику взобраться в седло. Лилиан оперлась на нее носком своего сафьянового сапожка и перелетела через высокий борт. Сэм не последовал за ней – его корабль был еще меньше, чем Карл, принадлежавший Клерфэ, а Паркхилл был грузным человеком. Вдвоем им было бы тесно на крохотной палубе. «Как же он собирался катать здесь жену?» – подумала Лилиан. Очевидно, в молодости Паркхилл был намного стройнее.

Она подошла к штурвалу, белеющему в свете двух лун, и осторожно коснулась его рукой. За время управления Карлом Лилиан успела ощутить его характер – спокойный и покладистый. Но характер этого корабля оказался совсем

иным.

На Лилиан обрушилась боль и ужас.

...Лицо Сэма, гротескно искаженное бессильной яростью, черно-белый шахматный городок марсиан, грохот выстрелов, и город рассыпается водопадом старинного стекла и осколков кварца. Сэм хохочет, словно демон, стреляет снова. Последняя изящная башенка вспыхивает, как бенгальская свеча, и взрывается фонтаном голубых черепков...

...На корме, близ руля, сидит молодая женщина. Кисти ее рук тонки, куда им до огромных лапищ Сэма, глаза яркие и большие, как луны, светлые, спокойные. Ветер колышет ее свободные одежды, и сама она дрожит, меняет свои очертания, как отражение на воде. Складки шелка, как струи голубого дождя, падают вдоль ее хрупкого тела. И снова – Сэм, отвратительный и ужасный, его трясет от страха и злобы, и в руках его черный пистолет. Снова раздается грохот, и прекрасная марсианка тает в пламени, как сосулька, а ледяные осколки уносит ветром...

– Вы чувствуете? – как с другой планеты, донесся до Лилиан голос Паркхилла.

– Да, – сказала она. – Да, чувствую.

Ей невыразимо, до боли, захотелось спасти этот прекрасный корабль, угнать его у этого жестокого и сального чудовища. Но было, наверное, уже поздно. Его бездумная алчность, страх и ненависть уже разрушили что-то в сердце и мышцах древнего корабля, ветер наполнял паруса которого еще то-

гда, когда первый предок Паркхилла еще не проломил дубиной череп своего противника.

Лилиан крепко стиснула штурвал.

Клерфэ услышал за спиной слишком хорошо знакомый скрип. С таким бритвенно-острый нос корабля рассекает песок безводного моря. Он обернулся через плечо. Дальнобойщик, ковырявшийся в моторе своего огромного грузовика, тоже обернулся – и выронил ключ. Дверь в кабину другого грузовика распахнулась. Из нее появилась всклокоченная женская голова, голое плечо и обвязанная оранжевым платком голова водителя.

Корабль Сэма Паркхилла медленно и величаво выехал из-за угла закусочной. Его вела марсианка – хрупкая, с развевающимися волосами, в отороченном мехом полушубке. Корабль проплыл мимо грузовиков, мимо водителей и проституток, и начал выворачивать на шоссе.

У входа в закусочную появился Сэм Паркхилл. Глаза у него были круглые, рот открыт, но он молчал. И прекрасное наваждение исчезло. Корабль замер. Бессильно опали голубые паруса.

Марсианка отошла от руля, перегнулась через борт.

– Простите меня, – сказала она, и голос ее, нежный и звонкий, расколол тишину. – Я сама не знаю, как это у меня получилось. Я сейчас поставлю его на место.

Клерфэ покосился на Сэма. Лицо Паркхилла блестело от

слез. Он потряс головой и промычал что-то невнятное. Лилиан потянулась к штурвалу.

– Пойдите, – наконец смог выговорить Сэм.

Теперь на него смотрели все. Дальнотойщики, пьяная проститутка, его любимый гонимик и хрупкая девушка в слишком теплом для конца весны полушубке.

– Не надо, – произнес Паркхилл. – Такая, значит, судьба. Значит, вас он ждал. Я то нашел свой причал, а у вас еще всё впереди. Езжайте.

Лилиан улыбнулась.

– Спасибо, – сказала девушка. – Только это – она. И она говорит, что ее зовут Эльма.

Теперь слезы стекали по лицу Сэма, как дождь по лобовому стеклу машины. Он махнул рукой.

– Тогда мы поедем, – сказал Клерфэ.

Он сел в свой корабль. Два древних корабля, прекрасных, словно призраки, выехали на шоссе под взглядами высыпавших на крылечко людей. Скоро их голубые паруса растаяли в темноте. Дальнотойщик хлопнул по крутому бедру свою случайную подружку. Женщина глубоко вздохнула, словно просыпаясь.

Дверь кабины закрылась.

Лилиан думала, что на шоссе Клерфэ захочет ехать первым – она совсем не знала дороги. Но Клерфэ следовал за ней, только раз громко крикнув, – и она сама увидела съезд

с шоссе – вспыхнул отраженным светом знак, на котором синей краской был изображен парусник. Лилиан съехала с дороги и остановилась, поджидая товарища.

– Ее правда зовут Эльма? – спросил Клерфэ.

Лилиан отрицательно покачала головой. Лицо ее было печально.

– Сейчас мы поедем по пустыне, – сказал Клерфэ. – Так будет быстрее. Правь вон на ту гору с раздвоенной верхушкой. Где-то через час мы въедем в канал, который приведет нас в Айронсити. Ты его увидишь – он выглядит как черная трещина в земле.

Лилиан снова качнула головой, на этот раз соглашаясь. Клерфэ выжал газ. В летучем лунном свете два древних корабля – металлические лепестки ископаемого цветка, голубые султаны, огромные и бесшумные кобальтовые бабочки – заскользили по зыбким пескам. Они неслись по безводному дну давно мертвого моря, как пылинки в серебристом сиянии, и паруса чуть слышно гудели под напором ветра. Они шли рядом, и Клерфэ время от времени поглядывал на Лилиан. Обычно на лицах водителей отражалось упоение скоростью и властью над пространством, но Лилиан была спокойна и серьезна, словно жрица неведомого культа. Сложно, почти невозможно было поверить, что она прикоснулась к штурвалу корабля меньше трех часов тому назад, и при этом вопила от страха, как девчонка, и двадцать пять километров казались ей безумной скоростью. Теперь она шла под

сто двадцать, и именно она задавала темп. Карл едва поспевал за кораблем Лилиан, чье имя было *не* Эльма. Больше всего Клерфэ опасался, что Лилиан заснет за рулем. Это было самое страшное, что могло произойти с водителем. На этот случай у Клерфэ были крючья, потомки древних абордажных багров, чтобы зацепиться за борт и перейти на другой корабль, но даже опытный гонщик сильно рисковал бы, выполняя подобный трюк на такой скорости.

Но его страхи не оправдались. Светлые глаза Лилиан сияли в свете лун, распахнутый полушубок развевался на ветру. «А ведь в санатории она всё время мерзла», – подумал Клерфэ. Скоро они въехали в канал, и сразу стало темнее. Лилиан сбросила скорость прежде, чем он успел прокричать ей об этом. «А ведь она прирожденный гонщик», – подумал Клерфэ. Они продолжили свой путь в безмолвии, и лишь шелест парусов нарушал тишину.

– Ты не боишься? – спросила она.

– Чего?

– Того, что я больна.

Ветрянка, убившая марсиан, была не единственной болезнью, с которой земляне не успели справиться до выхода в космос. Все остальные были гораздо менее безобидными. Лекарство от туберкулеза найти так и не удалось, и его лечили по старинке – сладким воздухом сосновых боров и диетой.

Но помогало далеко не всем.

Клерфэ перегнулся с кровати, взял со столика бутылку вина и наполнил свой стакан.

– Я боюсь совсем другого: во время гонок при скорости двести километров у меня может лопнуть крышка переднего колеса, – сказал он. – Колеса, которые делали марсиане для своих кораблей, – это единственное, что сносило за те века, что они мчались, подвластные всем ветрам. А мы еще не научились делать вещи столь же прочные и надежные. У меня крышки от Мишлен, это одни из самых лучших, но...

Лириан вдруг поняла, чем они похожи друг на друга. Они оба были люди без будущего. Будущее Клерфэ простиралось до следующих гонок, а ее – до следующего кровотечения.

За окном было озеро. Лириан открыла тугую раму, когда пришла в номер, чтобы проветрить его, да так и не стала закрывать. Занимался робкий рассвет. Весна шумела в платанах на площади и в облаках. Клерфэ тоже смотрел на почти голые платаны. Вдруг он произнес:

Юнец под звезды в небесах
Уходит в полночь,
И просыпается в слезах,
Зовя на помощь.

Стихотворение, которое он читал, удивительным образом совпало с настроением Лириан. Проснувшись после кратко-

го сна, она чувствовала себя беспомощной и одинокой в этом огромном городе. Пока это стальное чудовище еще спало, но вскоре должно было проснуться и устремить на нее взгляд своих пустых желтых глаз. Клерфэ продолжал:

С лицом, бледнее чем луна,
Он смотрит косо:
Дурёха плачет у окна,
Простоволоса,

В пруду, уставши от утех,
Влюблённых пара,
Водой смывает смертный грех,
Баньши полощет саван.

Он читал стихотворение размеренно и неторопливо, что выдавало большой опыт в такого рода делах.

Убийца шутку отколол:
Вино – лекарство,
Монашка умерщвляет пол,
Взыскует Царства,

Мать колыбельную поёт,
Качая зыбку,
Бордель за стенкою орёт,
И лжёт улыбка,

Смеётся злобно на стене
Рисунок мертвеца,
«Заснуть бы снова надо мне...»
Но дрожь трясет юнца ¹.

– Чьи это стихи? – спросила Лилиан.

– Мои, – сказал Клерфэ и снова наполнил стакан.

На этот раз он протянул его Лилиан, и она с удовольствием выпила прохладного, чуть горького вина.

– Я тогда был молод и бомбардировал стихами все крупные журналы, – сказал он, усмехаясь. – Этот назывался «Романс о Ночи». Один из журналов в припадке безумия принял «Романс» и даже прислал мне чек. На эти деньги я покинул Землю. Если бы не это, я вскоре превратился бы в дым, как и многие мои друзья. Те, кто не успел уехать.

– Красивый стих, – сказала Лилиан задумчиво. – У меня тоже бывает такое ощущение... ложности всего происходящего. Будто за привычными масками прячутся чудовища, которые только и ждут, пока ты отвернешься, чтобы вырваться.

Она вспомнила лицо Сэма Паркхилла – такого, каким владелец закусочной запомнился ее кораблю – и вздрогнула. Лилиан сделала большой глоток вина и откинулась на подушку.

¹ «Романс о Ночи» (группа «Солнце Неспящих») цитируется в переводе Игоря Минакова и Елены Первушиной.

– В Германии эти чудовища не были столь деликатны, – сказал Клерфэ. – Они не стали ждать, пока люди отвернутся, чтобы начать свои людоедские пляски. Наоборот, они заставили всех танцевать вместе с ними.

И немцам пришлось смотреть и участвовать. Отблески людоедских костров вспыхнули и на Марсе, когда коричневый путч провалился и безумцев изгнали с Земли. Здесь они продолжали сеять коричневую заразу, но и тут она не прижилась. Если на Клерфэ и лежала какая-то вина за гибель его друзей на Земле, то он давно искупил ее службой в рядах Марсианского освободительного легиона.

Лилиан коснулась его руки.

– Эти пляски закончились навсегда, – сказала она и вернула опустевший стакан Клерфэ.

– Тренер видел, как ты парковалась, – сказал он.

Лилиан оставила свой корабль на стоянке компании «Арес моторз», которой принадлежал корабль Клерфэ. Компания, помимо того, что выпускала треть всех автомобилей, которые бегали по дорогам Марса, являлась крупнейшим устроителем гонок.

– Он хочет взять тебя в команду, – продолжал Клерфэ. – Было бы неплохо, если бы ты в ближайшие дни пришла на наш полигон и попробовала свои силы. Я не знаю, нужны ли тебе деньги, но гонки – это шанс очень неплохо заработать.

– Деньги мне не нужны, – ответила Лилиан. – Мой отец оставил мне больше, чем я успею истратить. Но я приду на

ПОЛИГОН.

Повсюду ключьями свисали гирлянды, оборванные дождем. Мокрые полотнища флагов с шумом ударялись о флагштоки. Гроза, этот редкий в Редтауне гость, неистовствовала. Но не она в этот раз была в центре внимания, хотя и совершенно незаслуженно. Горожане толпились за ограждениями, и не меньше трети остальных жителей Марса наблюдали за стартом кораблей через свои стереовизоры – шла прямая трансляция.

Гонки «Тысяча тысяч» в Редтауне были одними из самых важных гонок сезона. Через город, где некогда ревнивый марсианин расстрелял двух посланцев с Земли, проходил один из крупнейших каналов. Когда-то он играл важную роль в ирригационной системе марсиан, но вслед за морями высохла и часть каналов. А потом пришли земляне и принялись проводить в каналах гонки на прекрасных марсианских парусниках. Участникам предстояло проехать более тысячи километров, и это расстояние в поэтической форме было отражено в названии гонок. Почти все каналы проходили через города, что придавало гонкам большую популярность. Набережные каналов в Натаниел-Йорке, Уайлдертауне, Грейн-вилле, Алюминиум-Сити и Детройте 2 были огорожены прочными и легкими щитами – для предотвращения несчастных случаев. Население же крохотных городишек, вроде Мерилин-Вилледж или Холтвиль-Спрингс, по-

строенных уже землянами на берегах пересохших каналов, во время гонок увеличивалось втрое. Везде были за счет муниципалитетов установлены дополнительные фонари и разноцветные прожекторы. Соревнования по традиции проходили ночью. Корабли покидали Редтаун на закате, а победитель должен был ворваться с первым лучом солнца или чуть раньше. Шоу предстояло грандиозное.

– Осталось еще пять минут, – сказал Торриани.

Лилиан сидела за штурвалом. Она не ощущала особого напряжения. Лилиан знала, что у нее не было шансов на выигрыш, но в то же время она уже знала, что во время гонок всегда происходит много неожиданностей. Особенно во время длительных гонок. Да и ментальное присутствие корабля в ее сознании, которое она ощущала как ровное ароматное дыхание, успокаивало ее.

– Проклятый дождь, – продолжал Торриани озабоченно. – Обычно гроза приходит сюда через неделю. А сейчас вся вода стекает в каналы, управлять будет чертовски трудно. Корабли будут плыть на размякшей глине и лужах. Не торопитесь; пусть противники загубят свои корабли, тогда вы и выветесь вперед.

– Спасибо за совет. Я справлюсь, – сказала Лилиан.

Она подумала о Клерфэ. Тренер проявил редкую мудрость и такт, и никогда не ставил их участниками одних и тех же гонок. Клерфэ хотел прийти проводить ее на старт, но Лилиан попросила его остаться в номере. В его присут-

ствии она чувствовала себя растерянной маленькой девочкой, а сейчас ей надо было внутренне собраться и приготовиться к бесконечной изматывающей ночи. Клерфэ выполнил ее просьбу, хотя, видимо, обиделся.

— Ты стесняешься меня? — спросил он. — Так ведь все знают, что мы любовники. Или что?

Она не могла ему объяснить. Он не настаивал, пошел купил себе пива и протер пыль на стереовизоре в гостиничном номере.

— Осталось еще две минуты, — сказал Торриани.

Лилиан кивнула. Впереди них уже никого не было. Теперь весь оставшийся день и часть ночи самым важным человеком на свете станет для нее судья с секундомером в руках.

В каждом маленьком городишке, который они будут проезжать, на пит-стопе ради нее будет дежурить врач — местный или специально приглашенный. У нее никогда не бывало кровотечения, когда она сидела за штурвалом, словно корабль передавал ей часть своей жизненной силы и оберегал ее. Однако с собой у Лилиан была кислородная маска и несколько высокоэффективных средств, останавливающих кровь. Что бы ни случилось с ней в пути, она должна была дотянуть до следующей остановки. Лилиан чувствовала, что у нее поднимается температура, но решила не обращать на это внимания. Теперь у нее часто поднималась температура, иногда на градус, а иногда и больше, и Лилиан знала, что это означает. «Зато по вечерам выглядишь не такой из-

мученной», – подумала она и усмехнулась. Лилиан вспомнила о новом трюке, изобретенном ею; благодаря ему повышенная температура превратилась из врага в ежевечернего друга, который придавал ее глазам блеск, а лицу – нежное оживление.

Лилиан вспомнила Зельмана Ваксмана – врача из Алюминиум-Сити, давно боровшегося с болезнью, убивавшей ее. Он нашел Лилиан после того, как она заняла третье место в не очень значительной гонке «Звезда пустыни». Ваксман пригласил Лилиан в свою лабораторию. Многое из того, что он рассказывал, было известно Лилиан. Но того, как далеко уже продвинулись ученые и врачи в поисках лекарства от туберкулеза, она не знала. Руководство санатория в Дрисколл-Форест настороженно относилось к новым веяниям, а возможно, тут сыграла свою роль профессиональная ревность. Всё равно, примерно каждому второму пациенту удавалось справиться со страшными симптомами только с помощью насыщенного воздуха Дрисколл-Фореста. Но, как горько шутили в клинике, кто-то должен быть и тем первым, кому этот воздух не помог спасти жизнь.

Ваксман предложил Лилиан войти в число владельцев лаборатории, и она согласилась. Она отдала весь свой приз за третье место – не такую уж крупную сумму, если честно признаться, – и получила право на ознакомление с ежегодным отчетом лаборатории и на право первой получить лекарство, когда оно будет создано. Ваксман обещал подготовить отчет

к декабрю, который был для Лилиан так же далек, как Сириус или вечность. В глубине души она твердо знала две вещи: что Ваксман действительно откроет средство от туберкулеза и что она этого уже не увидит.

Но были и другие, те, кому это лекарство было нужнее, чем сладкий воздух соснового бора.

Если бы Лилиан удалось занять призовое место в «Тысяче тысяч», возможно, это приблизило бы день, когда дамочков меч, висящий над многими хорошими людьми, будет снят и положен на полку, когда остро отточенный маятник, спускавшийся с каждым взмахом всё ниже и ближе к трепещущей груди, остановится.

Когда кроме надежды люди обретут еще и путь.

– Двадцать секунд, – сказал Торриани. – Слава богу!

Стартер сделал знак, и корабль Лилиан ринулся вперед. Люди кричали ей вслед.

– Стартовала Лилиан Дюнкерк, – громко объявил диктор. – Наша единственная женщина-гонщик. Пожелаем ей удачи!

Клерфэ включил стереовизор. Передавали новости из Алюминиум-Сити. Казалось, в комнату ворвался ураган, сквозь шум слышались фамилии гонщиков, названия селений и городов, знакомые и незнакомые – Натаниел-Йорк, Грейн-вилла, Мерилин-Вилледж, Вторая Попытка, Блэк-Ривер и Люстиг-Корнер, перечень часов и секунд. Диктор

взволнованным голосом сообщал о выигранных минутах так, словно он говорил о святом Граале; потом он перешел к поврежденным осям, к лопнувшим покрышкам, говорил о разорванном контакте гонщика с кораблем – когда так швыряет на ухабах, сложно непрерывно удерживать хоть одну руку на костяном колесе. Обо всем он повествовал таким тоном, словно это были несчастья мирового масштаба.

В полутемную комнату неудержимым потоком хлынули гонки, неистовая погоня за временем, за каждой секундой, но люди гнались там не за жизнью, они боролись за то, чтобы быстрее промчаться по мокрым спиральям шоссе, мимо орущей толпы, за то, чтобы быть впереди на несколько сот метров и оказаться первыми в каком-либо пункте, который через секунду надо покинуть. Эта бешеная гонка длилась много часов подряд. Корабли стрелой уносились из уродливого провинциального городишка, словно за ними по пятам гналась атомная бомба, и всё для того, чтобы на несколько минут раньше пятиста других гонщиков примчаться в тот же отвратительный провинциальный городишко.

Клерфэ слушал с наслаждением, как знаток классической музыки слушает симфонию любимого композитора в исполнении знаменитого оркестра. Он не жалел, что сейчас не он мчится сквозь ночь, и струи грязи, вырываясь из-под колес кораблей холодными фонтанами, окатывают с ног до головы других, и скрипят мачты, и бешено мчатся в небе две луны. Он не хотел соревноваться с Лилиан. Но он не понимал, по-

чему гонки так сильно захватили ее. Конечно, они захватили миллионы людей, выстроившихся в этот вечер и в эту ночь вдоль высохших каналов Марса. Однако Клерфэ казалось, что собственная жизнь Лилиан и есть гонки. Она сама неслась вперед, стараясь как можно больше урвать от судьбы, она гналась за призраком, который мчался впереди нее, как заяц-манок мчится перед сворой собак на охоте.

– Говорит Детройт Два, – торжественно сообщил диктор – уже другой.

Клерфэ опять услышал перечень часов и минут, фамилии водителей, имена кораблей, средние скорости участников соревнования и наивысшие скорости отдельных гонщиков. А потом тот же голос с небывалой гордостью возвестил:

– Если лидирующие корабли не снизят темпа, они достигнут Редтауна в рекордное время.

Клерфэ отхлебнул пива и устроился поудобнее в мягком кресле. На экране снова замелькали паруса, бронзовые и изумрудные корпуса кораблей, люди с зонтиками, в непромокаемых плащах. Мелькали белые стены, люди, разлетавшиеся в разные стороны, как брызги, зонтики, качавшиеся взад и вперед, подобно шляпкам грибов во время бури; чей-то корабль опасно накренился. Но Клерфэ видел по обводам корпуса, что не это корабль Лилиан.

Он смотрел передачу почти до самого утра. Сон сморил его, когда гонка вышла на финишную прямую – корабли миновали крохотный Олбани и приближались к Редтауну, ко-

торый покинули девять часов назад, с другой стороны.

Лилиан вышла к Клерфэ. Она обеими руками прижимала к груди уродливый кубок, ослепительно сиявший в лучах восшедшего солнца. Лицо ее было усталым и ошеломленным. Она пришла в Редтаун второй, уступив только Иммерту, единственному марсианину среди водителей кораблей и признанному фавориту. Пресса и так баловала своим вниманием единственную девушку среди профессиональных гонщиков, но теперь Лилиан предстояло вдохнуть фи́миам триумфа полной грудью.

– Баленсиаг и Диор передерутся за право шить тебе костюм для следующих гонок, – улыбаясь, сказал Клерфэ.

Лилиан устало улыбнулась в ответ. Клерфэ нашел единственно верные слова.

– Заглянем в ангар, к моему кораблю, – сказала она. – И потом пойдем домой.

Клерфэ кивнул. Они направились в огромный серебристый ангар, где корабли приводили в порядок после гонок – заменяли колеса, оси и, конечно же, мыли в теплой воде со специальным средством, сделанным из отложений мертвых морей. Корабль Лилиан как раз спускали в бассейн, где его ждала стая мальчишек-автомойщиков с мягкими мочалками в руках. Девушка успела похлопать по его заляпанному красной глиной боку, и острый нос плавно разрезал пушистую пену.

Лилиан зевнула. Клерфэ стоял рядом, держа в руках тяжелый кубок. К нему прилагался солидный денежный приз, что, впрочем, не отменяло очередного визита к дяде Гастону. Дядя Лилиан, по ее рассказам, был страшно скуп. И хотя отказать племяннице, совершеннолетней и дееспособной, в ее праве тратить деньги как ей хочется он не мог, страдал от этого неимоверно.

– Пойдем, – сказала она. – Я тоже хочу принять ванну. Мы умчались из этого маленького провинциального городишки и вернулись к тем же гаражам, кафе и лавчонкам. Вернулись туда, откуда умчались, презрев смерть. Целую ночь мы неслись вперед как одержимые. Сейчас меня просто валит с ног ужасающая усталость. Я покрыта коркой грязи и скоро окаменею, словно узрела воочию Медузу Горгону. Но мы сделали это. Мы мчались вперед, охваченные диким порывом, как будто на карту было поставлено всё самое важное на свете. И в конце концов мы снова вернулись в уродливый провинциальный городишко, из которого уехали. Из Редтауна в Редтаун! Разве можно представить себе более выразительный символ бессмысленности?

– Более чем удивительные речи для человека, занявшего второе место на пьедестале этой символической бессмысленности, – заметил Клерфэ.

Лилиан хотела ему ответить, но ее взгляд скользнул куда-то за спину Клерфэ. Выражение ее лица изменилось. Клерфэ обернулся. К ним, неслышимый в грохоте помывоч-

ных агрегатов, приблизился Иммерту. Клерфэ непроизвольно напрягся, глядя в желтые, как у кошки, глаза марсианина. Но его смуглое лицо ничего не выражало, словно и сейчас на нем была золотая маска.

– Ничего удивительного, – сказал Иммерту. – Только человек, думающий так, может выиграть эту гонку.

Он подошел к Лилиан, плавно опустился на одно колено, взял ее кисть в свою и коснулся губами ее руки – грязной, потной и замызганной грязью. Затем так же спокойно поднялся и направился прочь. Клерфэ окликнул его.

– Что вы, собственно, хотели этим сказать? – спросил Клерфэ.

Высокий марсианин смерил его взглядом.

– Я изучил вашу культуру жестов, и я выразил именно то, что хотел, – ответил Иммерту.

Лилиан улыбнулась.

– Преклонение? Восхищение? – уточнил Клерфэ.

– Да, – кивнул марсианин. – Она – идеальный кормчий. Есть старая легенда, где говорится о том, что если корабль находил своего кормчего, он мог не только катиться по земле, но и летать в небесах.

Лилиан засмеялась и обняла Иммерту:

– Я рада, что вы не сердитесь.

Марсианин улыбнулся и ничего не ответил.

Каждый круг был лишь немногим больше трех километ-

ров. Но трасса проходила по улицам Алюминий-Сити, как раз по центру города, обегала гавань, шла по холму, на котором стояло казино, и сворачивала обратно. Во многих местах ширины шоссе еле хватало для обгона, дорога почти сплошь состояла из виражей, двойных виражей, поворотов в форме шпильки и поворотов под острым углом. Надо было проехать сто таких кругов – свыше трехсот километров, а это значило, что водитель корабля должен десятки тысяч раз переключать скорости, растопыривая пальцы на твердых лепестках штурвала, тормозить, трогаться с места, снова переключать скорости, тормозить и снова трогаться.

– Настоящая карусель, – смеясь, сказала Лилиан Клерфэ. – Хуже, чем гонка в каналах под дождем. Там, по крайней мере, мы всё время двигались по прямой или по широкой дуге.

Тренер что-то крикнул.

– Уже начинается, – сказал Клерфэ.

Он помог Лилиан застегнуть у горла белый комбинезон. Затем вынул из кармана кусочек дерева и похлопал им сперва по машине, а потом себя по руке.

– Готово? – крикнул тренер.

– Готово.

Лилиан поцеловала Клерфэ. Он выполнил все обряды, положенные по ритуалу. Клерфэ сделал вид, что плюнул на корабль Лилиан, имени которого она ему так и не открыла, и на ее комбинезон от Диора, пробормотал заклятие, создан-

ное будто бы еще марсианами, потом протянул руку с двумя растопыренными пальцами по направлению к шоссе и к навесам, где находились другие машины, – это было ettatore, специальное заклинание против дурного глаза. Клерфэ пошел к выходу. Лилиан смотрела ему вслед. Он торопился занять свое место на трибунах и поэтому почти бежал.

«Вот кто был рожден для этой карусели», – с любовью подумала она.

Стартовали все двадцать машин. В первом круге Лилиан оказалась восьмой; ее место на старте было не очень удачным, и она на секунду замешкалась. Теперь она шла впритык за Микотти; Лилиан знала, что тот будет рваться к победе. Фриджеро, Иммерту и Саккетти шли впереди них; Иммерту лидировал.

Во время четвертого круга на прямой, которая подымалась к казино, Иммерту, выжимая из мотора всё, что было возможно, промчался мимо Саккетти. Лилиан повисла на его задних колесах, он тоже перенапряг двигатель корабля и обогнал Саккетти только перед самым входом в тоннель. Выйдя из него, Лилиан увидела дым, вырывающийся из трюма корабля Иммерту. Марсианин снизил скорость. Лилиан обошла его и начала нагонять Монти. Она знала каждый метр дороги. Гонки проходили по городу, и поэтому тренироваться было почти невозможно – только во время самых гонок перекрывали уличное движение. Тренировка своди-

лась главным образом к тому, что гонщики объезжали дистанцию и запоминали, где им придется переключать скорости. Лилиан объехала ее не меньше ста раз и теперь, как ей казалось, могла бы править кораблем с закрытыми глазами.

Монти она настигла через три круга на одном из крутых виражей около газгольдера и, как терьер, повисла на его задних колесах. «Еще девяносто два круга и семнадцать противников», – подумала Лилиан, увидев у трибун чей-то корабль рядом с кораблем Иммерту. На корме были видны разводы свежей сажи. Тренер просигнализировал ей, чтобы она до поры до времени не рвалась вперед. Видимо, Фриджериио и Саккетти, которые терпеть не могли друг друга, вступили в борьбу между собой, пожертвовав интересами фирмы; это нарушило весь порядок в команде, и теперь тренер хотел попридержать в резерве Лилиан и Мейера III на тот случай, если лидеры загубят свои машины.

Прошел час, и Лилиан была уже второй. Теперь она холодно и безжалостно нагоняла Иммерту. Она не хотела пока обходить марсианина – с этим можно было обождать до восьмидесятого или даже до девяностого круга, – но она намеревалась идти всё время за ним на расстоянии нескольких метров, не отставая ни на секунду, идти до тех пор, пока Иммерту не начнет нервничать. Хотя, конечно, скорее бы начали нервничать кварцевые башенки в мертвых городах его расы. Но Лилиан не желала еще раз рисковать, перена-

прягая мотор. Она рассчитывала, что это сделает Иммерту в надежде избавиться от своей преследовательницы. Иммерту так и поступил, но с его кораблем ничего не случилось. И всё же Лилиан почувствовала, что Иммерту очень забеспокоился, ведь ему не удалось достичь своей цели – оторваться от Лилиан. Иммерту стал блокировать дорогу и виражи, он не хотел пропустить Лилиан вперед. Лилиан начала хитрить, делая вид, будто намерена обогнать Иммерту, на самом деле она к этому не стремилась; в результате Иммерту начал наблюдать за ней внимательнее, чем за собственной машиной, и стал менее осторожен. Так они сделали круг и значительно обогнали нескольких гонщиков. Обливаясь потом, тренер показывал Лилиан таблички и махал флажками. Он требовал, чтобы Лилиан не обгоняла Иммерту. Оба они были из одной конюшни; хватит и того, что Саккетти и Фриджериио затеяли борьбу. Из-за этого Фриджериио загубил крышку и отстал от Лилиан на целую минуту; между ними было уже пять других гонщиков. Саму Лилиан нагонял теперь Монти. Но Монти еще не удалось прицепиться к задним колесам ее корабля. При желании Лилиан могла бы легко оторваться от него на крутых виражах, которые она проходила быстрее Монти. Они опять пронеслись мимо старта. Лилиан видела, как тренер взывал ко всем святым и грозил ей кулаком, запрещая идти вплотную к Иммерту. Лилиан кивнула головой и отстала на корпус, но не больше. На этих гонках она должна победить – либо с помощью тренера, либо напере-

кор ему, она так решила. Неудачный старт несколько задержал ее. Но Лилиан знала, что всё равно победит. Она побеждает в этих гонках, так же, как победила смерть. Она была очень спокойна: напряжена до предела и в равной степени хладнокровна. Эти чувства пришли у нее в состояние странного равновесия. В таком состоянии человек уверен в том, что с ним ничего не случится. Равновесие как бы делает человека ясновидящим, спасая его от всяких сомнений, колебаний и неуверенности. В детстве у Лилиан нередко появлялось такое ощущение равновесия, но за годы, проведенные в санатории, ей часто его не хватало, не хватало этих мгновений ничем не омраченного счастья.

А впереди было еще много-много лет, таких же светлых и радостных, там были корабли, руки Клерфэ, горячие и ласковые, шум дождя в темноте и даже детский смех.

Лилиан увидела, что корабль Иммерту вдруг завертелся волчком и встал поперек дороги, раздался скрежет ломающейся мачты, всплеснули в воздухе кобальтовые паруса. Лилиан видела, как два других корабля на огромной скорости столкнулись друг с другом, она видела, как корабль Иммерту, словно во время замедленной съемки, не спеша перевернулся. Иммерту не удержал штурвал; от удара его выбросило за борт. Он пролетел по воздуху и упал на землю. Сотнями глаз Лилиан впиалась в шоссе, пытаясь найти хоть какой-нибудь просвет, через который можно было швырнуть корабль.

Но просвета не было. Шоссе вдруг стало огромным и в ту же секунду уменьшилось до микроскопических размеров. Лилиан не ощущала страха, она старалась наскочить на другой корабль не под прямым углом, а по касательной; в последний момент она еще успела подумать, что надо освободиться от штурвала, но руки не поспевали за ней; всё в ней словно приподнялось, она вдруг стала невесомой, словно сбылась старая легенда и ее корабль поднялся в воздух, оттолкнувшись от раскаленного, размягченного асфальта шоссе.

Но сказки – это всего лишь сказки, где бы их не сочиняли, на красной планете или на голубой.

Что-то ударило ее в грудь и в лицо, и со всех сторон на Лилиан ринулся разбитый вдребезги мир. Еще секунду она видела перед собой бледное, искаженное от ужаса лицо дежурного по трассе, а потом гигантский кулак ударил ее сзади; она услышала темный гул, и всё стихло.

Корабль, который налетел на Лилиан, пробил брешь в сплошном месиве кораблей; через нее смогли проскочить корабли, идущие следом. Гонщики один за другим пролетали мимо, их корабли, вихляя и дрожа, проходили вплотную к разбитым собратьям, так что металл со скрежетом терся о металл, и казалось, что это громко стонут покалеченные корабли.

Дежурный, держа лопату, перелез через мешки с песком и начал вытаскивать Лилиан. Когда гул двигателя приближался, он отскакивал в сторону. У Лилиан было разбито ли-

цо, в ее грудную клетку вдавился руль. Из рта у Лилиан текла кровь, она была без сознания. Толпа уже облепила шоссе, как мухи облепляют кровавый кусок мяса. Появились санитары с носилками. Они оттащили Иммерту в безопасное место, подняли его и передали другим санитарам, которые стояли за баррикадами из мешков. Несколько служащих, неся перед собой дощечки со знаком «Опасно!», уже прибежали на место аварии, чтобы предостеречь остальных гонщиков. Но гонки успели переместиться в другое место, все корабли миновали этот отрезок шоссе и теперь снова возвращались сюда; некоторые из водителей бросали быстрый взгляд по сторонам, глаза других были прикованы к ленте шоссе.

Гонки продолжались; их не прекратили.

Клерфэ сидел в приемном покое и ждал. За закрытыми дверями операционной, в ослепительном свете бестеневых ламп, врачи колдовали над телом Лилиан. Ее привезли сюда сразу, на медицинском вертолете, который всегда дежурил на гонках в Алюминий-Сити. В операции принимал участие и Ваксман. Он приехал посмотреть на гонки и успел добежать до медицинского вертолета прежде, чем тот покинул место аварии. Из его путаных объяснений реаниматоры все-таки смогли уяснить, что перед ними коллега-врач, который уже имел дело с этой пациенткой, и взяли его с собой. А вот Клерфэ пришлось долго колесить на такси по узким улочкам города – основные магистрали были перекры-

ты из-за гонок, а его корабль остался на стоянке для гостей мероприятия, до которой было очень далеко добираться.

Время было клейким, как липкая бумага, на которой медленной мучительной смертью умирали мухи. Клерфэ раскрывал потрепанные журналы и тупо смотрел в одну точку, а потом снова захлопывал их; буквы казались черными жуками, выползшими из старого, пустого черепа. Комната пропахла страхом; весь тот страх, который люди испытывали в этой комнате, скопился в ней. Немного погодя в комнату вошла женщина с ребенком. Ребенок начал кричать. Женщина расстегнула кофточку и дала ему грудь. Ребенок зачмокал и уснул. Застенчиво улыбнувшись Клерфэ, женщина опять застегнула кофточку.

Через несколько минут сестра приоткрыла дверь. Клерфэ поднялся, но сестра не обратила на него внимания; она кивком пригласила женщину с ребенком следовать за ней. Клерфэ опять сел. В этот момент он увидел через окно, как к больнице подъехала открытая машина с тренером и двумя механиками. Сестра из приемного покоя привела всех троих в комнату ожидания. Вид у них был подавленный.

– Вы что-нибудь узнали? – спросил Клерфэ.

Тренер показал на Торриани:

– Он был там, когда ее вынимали из машины.

– У нее шла кровь горлом, – сказал Торриани.

– Горлом?

– Да. Похоже было на горловое кровотечение. Она ведь

была больна, так ведь?

Клерфэ вздрогнул. Месяц назад Лилиан начала принимать таблетки, которые ей привозил Ваксман. Врач сказал Клерфэ, что они остановят темного зверя, пожиравшего ее легкие изнутри, и добавил, что если бы не пожертвования Лилиан, позволившие провести более масштабные и качественные исследования, лекарство было бы открыто на год, а то два позже. И таблетки Ваксмана действительно помогали. У Лилиан с тех пор не было ни одного кровотечения. Она перестала спать днем. Щеки ее округлились; она медленно, но верно набирала вес.

– Исключено! – раздался голос Ваксмана.

Все обернулись к врачу. Он появился в приемном покое, словно его призвала мысль Клерфэ, хотя это, разумеется, было не так.

– Как она? – спросил Клерфэ.

Прежде чем заговорить, Ваксман несколько раз пошевелил губами.

– Мадемуазель Дюнкерк умерла, – сказал он наконец.

Механики не сводили с него глаз.

– Вы сделали ей операцию? – спросил Торриани. – Наверное, вы сделали ее неправильно!

– Мы не делали Лилиан операции, – устало произнес Ваксман. – Она умерла раньше. Штурвал раздавил ей грудную клетку, вот отчего у нее шла горлом кровь. Мы сделали вскрытие. Все туберкулезные очаги были обезызвествлены,

она была абсолютно здорова.

Все трое посмотрели на Клерфэ. Он сидел неподвижно.

– Где она? – спросил он, помолчав.

– Они приводят ее в порядок, – ответил Ваксман.

Клерфэ поднялся.

– Я должен ее видеть, – сказал он.

– Не стоит, – сказал Ваксман. – Лицо. Она очень сильно ударилась лицом. А штурвал сдавил ей грудную клетку. Врач считает, что она ничего не почувствовала, и я думаю так же. Всё произошло очень быстро. Она сразу же потеряла сознание. А потом так и не пришла в себя...

– Бросьте, – сказал Клерфэ. – Я видел подобное, и много хуже, много раз.

– Где, позвольте спросить? – осведомился Ваксман.

У Клерфэ сдавило горло. Он молча закатал рукав и показал татуировку Марсианского освободительного легиона.

– Вы уверены, что хотите видеть ее такой? – спросил Ваксман.

– Уверен, – ответил Клерфэ.

Ваксман принял решение.

– Хорошо, – сказал он. – Пойдемте со мной. Я дам вам халат и поговорю с врачом.

Клерфэ стоял и смотрел на то, что осталось от Лилиан. От женщины, убежавшей от грозного бесплотного хищника, пожиравшего ее легкие. От той, что принесла спасение

многим своим товарищам по несчастью, в чью плоть так же вгрызался этот ненасытный зверь. От первой женщины Марса, вставшей за штурвал корабля и опередившей на нем многих мужчин. От той, благодаря кому женщины Марса надели брюки и появилась стрижка «а ля дюнкерк».

«Это должно было случиться со мной, со мной, – думал Клерфэ. – Мне, а не ей была уготована смерть в расколотом корабле, это мои легкие должен был пробить штурвал из белой кости». У него было странное чувство – как будто он кого-то обманул: оказавшись лишним, он всё же продолжал жить; произошло недоразумение, вместо него убили другого человека, и над Клерфэ нависла неясная серая тень подозрения в убийстве, словно он был изнемогшим от усталости водителем, который переехал человека, хотя мог этого избежать.

– Здесь вы ничем не поможете, – мягко сказал Ваксман. – Она умерла. Никто из нас теперь ничем не поможет. Когда человек умирает, всё кончено, никто ему уже не поможет.

– Я знаю, – сказал Клерфэ. – Что же теперь будет с ее кораблем?

Он ясно чувствовал, что возвращать корабль Сэму Паркхиллу нельзя, хотя вряд ли бы смог объяснить, откуда у него такая уверенность. Клерфэ видел корабль Лилиан на пит-стопе, когда пробирался сквозь толпу к выходу с трибун. Корабль почти не был поврежден. С него только сняли паруса, пропитанные кровью. Механики уже установили на ме-

сто мачту и штурвал, вылетевший из своего гнезда во время столкновения. Марсиане творили для вечности, не для себя.

– Может быть, вы поведете его? – сказал Ваксман.

Эрнест Сетон-Томпсон. Мисо

(Автор: Юстина Южная)

Эрнест Сетон-Томпсон (Ernest Thompson Seton), 14.08.1880, Саут-Шилдс, Великобритания, Земля – 24.10.1966, Грин Вилледж, Нью-Канада, Марс – канадский, американский и марсианский писатель, художник-анималист, естествоиспытатель и общественный деятель.

Эрнест Эван Томпсон родился 14 августа 1880 года в городе Саут-Шилдс (графство Дарем, Англия) в большом семействе с дворянскими корнями. Через шесть лет его семья переехала в Канаду. Отец занимался фермерством, а Эрнест часто играл с братьями в лесу. Животные, индейцы и охота – вот что с детства привлекало будущего писателя. Позже, из-за отчуждения, возникшего между ним и отцом, он изменил свое имя на Эрнест Томпсон Сетон (в русском написании – Эрнест Сетон-Томпсон).

До 1913 года он изучал изобразительное искусство в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, после того как в девятнадцать лет уже окончил Торонтский колледж искусств. Его иллюстрации к собственным рассказам и повестям передают характер зверей и птиц и отношение к ним автора, полное любви и добродушного юмора. Героями Сетона-Томпсона становились самые разные животные; он не боялся рисовать жизнь лесов, гор, степей такой, какая она есть, со всеми ее жесто-

костями.

Его первое литературное произведение было опубликовано в 1903 году. Известность в США и Канаде писателю принесли сборники рассказов о животных, а также восьмитомный труд «Жизнь диких зверей» (1937–1939).

Томпсон вёл насыщенную жизнь, он кочевал по лесам и прерии, никогда не жил подолгу в крупных городах. В Канаде он получил должность «государственного натуралиста», что дало ему возможность с головой отдаться изучению фауны. В 1913 году писатель познакомился с лордом Баден-Пауэллом, основателем движения бойскаутов. Вместе они активно пропагандировали идеологию жизни в гармонии с природой.

В 1946 году, спустя три года после начала колонизации Марса и Венеры, уже будучи в возрасте, Сетон-Томпсон отправился на Марс, чтобы изучать животных другой планеты. Там он с наслаждением и юношеским азартом окунулся в привычную жизнь исследователя. Именно он считается одним из основателей ареозоологии.

В результате этой деятельности в период с 1949 по 1960 год у него вышло несколько книг, получивших распространение на Марсе, Венере и, конечно, на Земле. Особую популярность приобрели его «Рассказы о марсианских животных» (1953).

Что касается семейной жизни, то в 1916 году Сетон-Томпсон женился на Грейс Галлатин, а в 1924 году родилась их

единственная дочь Аня. В 1945 году Грейс и Эрнест развелись, так как Грейс категорически отказалась лететь на Марс, и вскоре он женился на Джулии М. Батри, которая также занималась литературной деятельностью. У них не было своих детей, но в 1956 году, во время недолгого посещения Земли, они удочерили семилетнюю девочку – Бьюлу Ди Сетон.

Сетоном-Томпсоном создан ряд научных трудов по зоологии. За эти работы он был удостоен нескольких высших наград, присуждаемых в США, Канаде и колонии на Марсе за научные труды.

В общей сложности Эрнест Сетон-Томпсон написал около сорока книг, главным образом о животных, земных и марсианских. Несколько книг посвятил быту и фольклору индейцев, эскимосов и аборигенов Марса. Темы быта малоизученных рас и жизни на природе соединились в двух увлекательных автобиографических книгах «Маленькие дикари» (1923) и «По следам художника-натуралиста» (1960). Последняя вышла в России под названием «Моя жизнь на Земле и Марсе».

Эрнест Сетон-Томпсон скончался 24 октября 1966 года в марсианском поселении Грин Вилледж (впоследствии переименованном в Сетон-Вилледж). Его тело было кремировано, и урна с прахом четырнадцать лет хранилась в доме. В 1980 году, в столетнюю годовщину рождения писателя, его дочь Ди и внук Сетон Коттьер (сын Ани), специально при-

летевший на Марс, развеяли прах над каньонами Танатина.

Сетон-Томпсон является одним из зачинателей литературного жанра произведений о животных; он оказал мощное влияние на многих писателей-анималистов.

1

Если вам довелось наблюдать закат в каньонах Танатина, то вы, конечно, согласитесь, что это необыкновенное зрелище. Привычная красно-розовая полоса у горизонта здесь занимает всё небо, медленно и неторопливо сменяясь темно-голубым пологом. Лиловые сумерки стоят еще долго после того, как солнце погрузилось в один из каньонов, оттого растения каменистой степи приобретают диковинный светло-сиреневый оттенок. А далеко за степью постепенно укрывается серым покрывалом огромное плато.

Бен-Нори любовался подобным закатом, когда увидел шесть маленьких светлых теней, быстро пересекающих дальний холм. Имея отличное зрение, он сразу понял, что это ничто иное, как семейство степных зерд, и очень удивился. Степные зерды не появлялись в этих краях уже несколько лет, с тех пор, как поблизости стали селиться пришельцы с Земли, видимо, новый запах настораживал зверьков своей неясной чужеродностью.

Ради любопытства он последовал за зердами, стараясь не попадаться им на глаза и держаться так, чтобы ветер дул

в его сторону. Ему удалось проследить за ними настолько ловко, что он разглядел всё семейство в подробностях. Главной клана был крупный оранжевый, под цвет песка, самец, за ним, постоянно оглядываясь и коротким тьявканием подгоняя детей, бежала деловитая палевая самочка. И, едва поспевая за отцом и матерью на своих коротких лапках, вприпрыжку скакали четверо малышей самых разных оттенков.

Бен-Нори взгляделся внимательней и, тихонько похлопав себя по коленям, произнес: «Эк, шолишол», по-нашему это, пожалуй, можно перевести как «ну и ну». Поразиться было немудрено. Мало того что зерды объявились целой семьей, еще и один из малышей выделялся из круга своих братьев и сестер необычной белой шерсткой.

Зерды никогда не бывают полностью белыми. Белые подпалины на боках, «носочки» на лапках, светлое брюшко – такое встретишь часто, но эти зверьки, хоть и имеют цвет от красно-оранжевого до серебристо-песочного, не рожают альбиносов. Не рождали до сих пор, по крайней мере.

Заинтригованный Бен-Нори следовал за зердами еще с милю, когда вдруг белый малыш насторожил ушки, повел носиком по ветру и устоялся прямо на Бен-Нори своими шоколадными глазами-бусинками. От неожиданности тот даже не успел спрятаться за кустами или валунами. С полминуты они с интересом наблюдали друг за другом, затем малыш звонко тьявкнул, подзывая мать, и через несколько секунд уже всё семейство знало о присутствии посторонне-

го. Оранжевый отец совершил высокий разведочный прыжок и тревожным рыканием подал остальным команду к бегству. Зерды помчались со всех лап, скоро исчезнув из поля зрения, очевидно нырнули в ближайшую каменную трещину. Однако Бен-Нори мог поклясться (что он и делал потом много раз в нашем трактире), что перед тем как раствориться в сумерках, крохотный белый зверек еще раз остановился и, растянув пасть в усмешке, рассмеялся особым отрывистым смехом зерд: «Ийяуть-ть, Ийяуть-ть!»

Бен-Нори улыбнулся, покачав головой. «Мисо», – сказал он вслед храброму детенышу, и на его языке это означало «Беляшка». Ибо Мисо была хорошенькой маленькой самочкой.

2

Мисо родилась почти три месяца назад на другом конце плато, что довольно далеко от того места, где ее заметил Старый Бен. Она лежала в небольшой уютной норке, и первое время ее окружали только приглушенные запахи и тепло пушистых комочков рядом. Четыре шерстяных комка были ее братьями и сестрами, а два больших клубка меха – ее родителями. Отец появлялся редко, и маленькая Мисо иногда слышала, как рычала на него мама. Но когда через две недели у детенышей начали открываться глаза, Мисо стала не только чувствовать, но и видеть оранжевого зерда гораздо чаще.

Теперь мать перестала опасаться, что он может сожрать собственных отпрысков, и ничего не имела против его присутствия.

Больше всего зерды похожи на небольших земных лисичек, живущих в песках Сахары, которые называются фенекami. Та же остренькая мордочка, тот же малый рост – никак не выше девяти дюймов в холке, покрытые мехом подушечки лап и, конечно, уши. О, какие у зерд уши! Огромные, в пять, а то и шесть дюймов, они способны услышать любой шорох вблизи и вдали, отличить копошение матриски – юркой рыжей мышки от шуршания крыльев исига, уловить ничтожное движение под землей или песком. Хвост у зерд пышный, с темно-коричневыми вибриссами на конце.

У Мисо вибриссы на хвосте и мордочке были молочного цвета.

Когда малышам исполнилось по полтора месяца, они всё чаще стали вылезать из своего убежища и показываться у входа в нору. Мисо узнала, что помимо ее семьи есть еще множество других зерд. Некоторые из них приходились Беляшке дядями и тетями, некоторые племянниками, а некоторые – абсолютно посторонними особями. Насколько она могла судить, зерд было очень много. Очень часто вечерами слышались разговоры, а то и перебранки между соседями.

– Тр-р ять-ять, – спрашивала рассерженная соседка слева. – Кто из вас, разбойников, потрепал моего славного Викку? А ну, немедленно отвечайте!

– Ятр-ятр-р р, – раздавалось в ответ насмешливое. – Следить за своими надо лучше!

– Ттиу-яу! Как невежливо!

Иногда такое соседство приносило пользу. Например, какая-нибудь зоркая лисичка первой замечала появление большеклювого оннта и оповещала всё сообщество. Ведь всем известно, что оннт не прочь полакомиться любым мясом, даже мясом зерд. Но всё же степным зердам давно было тесно в столь плотной колонии. Это стало совершенно ясно, когда семье Мисо почти полторы недели пришлось жестоко голодать, и самый младший братик умер, получив за это время лишь несколько капель материнского молока и ни одной птичьей косточки из старых запасов, – всё отобрали другие. Его смерть тем не менее помогла семье продержаться еще два дня.

Охота у оранжевого зерда проходила с переменным успехом, и мать спешила научить детей всем своим навыкам. Принеся полузадушенного птенца или ящерку, она с удовольствием следила, как ее детки подкрадываются к добыче, насакивают, пока еще неуклюже, на нее обеими передними лапами и хватают мелкими зубками за шею. Мисо узнала, что жуки, обитающие под корнями кустарника, очень вкусны, не менее, чем личинки и червяки, выкопанные из-под трухлявого дерева. И что нет ничего аппетитнее крылышка исиги и крохотных яиц в его гнезде.

Еды по-прежнему не хватало. Наконец отец Мисо решил,

что так дальше продолжаться не может и однажды исчез на целых пять дней. Появился он в сумерках, запыленный, уставший, но, по-видимому, довольный. Он обменялся с палевой лисичкой серией коротких потрескиваний, что означало интенсивные переговоры. Мать семейства, напротив, довольна не была и даже разок куснула своего супруга, однако в конце концов они пришли к соглашению. На следующий день, ближе к закату, вся семья Мисо отправилась в путь.

Зерды-малыши держались очень хорошо, почти не отставали от взрослых, лишь ненадолго отвлекались на интересные с их точки зрения вещи вроде сброшенной ящерицей кожи или хищных ночных стрекоз. От последних, впрочем, пришлось прятаться в расщелине скал. Съесть стрекозы их, конечно, не сумели бы, но повредить нежную детскую шкуру могли запросто.

Ночь была светлой, Деймос и Фобос оба находились на небе, освещая плато. Отец и мать были еще полны энергии, когда малыши начали отставать. Пришлось сделать привал. Семейство расположилось в кустарнике рядом с узенькой речкой, пересекавшей плато, оранжевый зерд немедленно отправился на охоту. Мисо со своими братьями и сестрами улеглась подремать. К тому времени как они вновь заворачивали своими ушками и носиками, просыпаясь, отец уже вернулся, неся в зубах половину шелзи (зверек вроде нашего суслика, только меньше ростом), бросил ее и тут же умчался за второй половиной.

Пообедав, они продолжили путь и бежали до рассвета. Затем снова передышка в безопасном месте и снова дорога. Большую часть дня зерды проспали в небольшой пещерке, а ночью их лапки уже скользили по степи. Лишь к следующему вечеру они достигли каньонов Танатина. Именно тогда их и заметил Бен-Нори.

Но это еще не было конечной точкой пути. Оранжевый зерд вел семью дальше, к прекрасной большой норе, брошенной когда-то их сородичами. Нора под корнями старого огромного дерева была совершенно пустой и совершенно подходящей, со множеством боковых отнорков и удобными круглыми котловинами для лежбища. Первой в нее вошла зерда-мама, она тщательно всё обнюхала, выгребла из норы колкие ветки и плохо зарытые сухие косточки. Затем она натаскала в главную котловину травы. Перья дохлой птицы, найденной в ближайшем каньоне, тоже пошли в дело, и спустя несколько часов нора была полностью приготовлена.

Семейство зерд ожидала спокойная, сытая жизнь в новом месте с новыми друзьями и новыми, вовсе не многочисленными, врагами. Так и было некоторое время. Пока в судьбу Мисо не вмешалось одно тревожное обстоятельство в лице Майка Даумана.

3

Я познакомился с Беяшкой через пару месяцев после ее

появления в каньонах. К тому времени я уже год жил в поселке колонистов, в том, что на окраине Долины Вотана, или, как эту местность называют сами марсиане, – Великие равнины. Поселок возвели всего лишь за полгода до моего прилета, но я нашел его уже вполне обжитым и даже с двумя фермами: для земного скота – коз, овец, коров, и для эндемичных животных этой планеты.

Раньше я не видывал столь разнообразных ландшафтов, будто специально соединившихся в одной точке. С одной стороны – равнины, простиравшиеся на много миль, значительная их часть была занята лесами, одними из последних, сохранившихся на этой планете, с другой – каменистые каньоны, с третьей – степи, похожие скорее на саванны с деревьями и кустарником. А если хорошенько приглядеться, можно было заметить голубеющие вдали снежные шапки гор.

Жизнь в поселке кипела ключом. Получив разрешение марсианского правительства, колонисты активно строились, используя и местные, и привезенные с Земли материалы. Доставка привычных и родных для каждого человека вещей была затруднена в связи с дальней расположенностью этого фермерского поселка от космодрома, однако, как я говорил, к моему приезду тут сложились вполне сносные условия существования. Здесь был даже свой трактор, в который вечерами заглядывали не только американцы, канадцы, германцы и русские, но и аборигены.

Одним из постоянных посетителей трактира стал Бен-Нори, пожилой марсианин с характерной для его племени красноватой кожей и крупным, слегка загнутым книзу носом. Также Бен-Нори имел великолепную шевелюру черного, несмотря на возраст, цвета и питал слабость ко всему новому и необычному. Подозреваю, именно по последней причине он и проводил столько времени среди нас, землян, без обид приняв прозвище Старый Бен.

Он был одним из тех, кто помогал поселенцам обустроиться, часто давал толковые советы по обращению с туземными животными и подрабатывал проводником у тех, кто искал пастбища для стад, разведывал ту или иную область или просто желал осмотреть окрестности.

В тот вечер Бен-Нори по своему обыкновению сидел в трактире и рассказывал каким-то заезжим колонистам о встрече с маленькой белой зердой. Большинству из них предмет рассказней Бена казался не стоящим внимания, но Майк Дауман заинтересовался.

– Так ты говоришь, совсем белая? И уже не вылиняет? – спросил он со снисходительностью опытного зверопромышленника.

– Линять – да, но белая станет быть. Всегда теперь, – отвечал Бен. К тому времени он уже наострился бегло говорить по-английски и знал с сотню немецких слов.

– И ты знаешь, как ее найти? Покажешь?

– Я знаю, где зерды иногда. Там можно смотреть. Но труд-

но увидеть, не каждый раз.

– Отведешь меня завтра? Я заплачу, – предложил Майк.

– Утром, – кивнул Бен-Нори. – Покажу, да, если будет.

Я и сам хотел посмотреть на это чудо с тех пор, как впервые услышал о нем, но мешали другие дела. Тут же я решил далее не откладывать, а присоединиться на завтра к Бен-Нори.

Надо сказать, еще на Земле фотоаппарат всё чаще стал заменять мне ружье, так что я был скорее натуралистом, чем охотником. Однако в глазах у Даумана светился тот самый, знакомый мне охотничий азарт, и это не сулило ничего доброго для белоснежной любимицы Старого Бена.

Затемно мы выехали к границе каньонов. Передвигались на гиппарионах – здесь этот лошадиный род не вымер, как на Земле, а жил вполне счастливо и был одомашнен давным-давно, из-за чего тонконогие кони обзавелись костями пошире и покрепче, став похожими на привычных нам домашних лошадей. Едва мы достигли какой-то одному Бен-Нори ведомой точки, он велел нам спешиться, и остальное расстояние до наблюдательного пункта мы прошли пешком.

– Зерды слушают очень хорошо, – объяснил он.

Мы засели на холме, укрывшись в зарослях низеньких деревьев. Бен-Нори приказал сидеть тихо и по возможности не дышать вовсе. В скрюченном положении мы провели около часа, за это время мимо нас проскользнуло несколько представителей туземной фауны, но зерды не появлялись.

Майк начал шептать, что, видимо, мы уже никого не встретим и пора возвращаться. Но тут Бен дернул его за рукав, заставляя замолчать. В полутора сотне ярдов от нас в рассветных сумерках двигались пять лисьих силуэтов: один покрупнее и четверо помельче. Тот, что покрупнее, тащил в зубах какую-то поноску, остальные бежали следом. Один из младших, играя, пытался вырвать у старшего предмет из пасти. И этот младший был изумительного молочно-белого цвета.

Наконец старший, палевая самочка, очевидно, мать подросших детенышей, выпустила поноску и раздраженно затявкала на озорницу. Лай у зерд похож на потрескивание, звучит очень смешно, и я не удержался от улыбки. Мисо отскочила, волоча за собой честно украденную добычу, мать побежала за ней. С минуту зерды гонялись друг за дружкой, совершая уморительные прыжки, затем мать все-таки «победила» Беляшку, и семейство, восстановив порядок, направилось дальше.

Я невольно залюбовался грацией этих миниатюрных лисичек и хотел было последовать за ними, чтобы сделать серию фотографий, но Бен-Нори покачал головой.

– Они идут в нору. Если будут слышать, будут прятаться. Не надо.

Выждав немного, мы отправились домой.

– Я хочу ее поймать, – заявил Дауман по дороге. – Эту белую зерду. Покажешь, где их нора? – обратился он к Бен-Нори.

Старый Бен повернул к нему свое морщинистое лицо. Лицо марсианина явно выражало неодобрение.

— Я не знаю нору, — отвечал он. — Не надо ловить Мисо. Так лучше. Она одна. А если будут дети, будут еще белые зерды. Возможно.

Майк замолчал и, пока мы ехали, не проронил ни слова, но, как оказалось, это не означало, что он перестал думать о поимке Беляшки.

4

Спустя неделю, закончив свои дела в поселке, Дауман всерьез взялся за подготовку к охоте. Ему хотелось захватить свой ценный экземпляр живым, так что он намеревался отыскать жилище зерд и, разрыв нору, забрать детенышей. Поначалу он думал воспользоваться помощью кого-нибудь из колонистов или аборигенов, но к его удивлению, никто не пожелал пойти с ним. Выгода от доставки зерды редкого вида Союзу американских биологических обществ представлялась минимальной, а марсиане, настроенные Старым Беном, и вовсе не желали в этом участвовать, питая скрытый мистический страх перед необычным окрасом Мисо. Обращался Майк и ко мне, но я отказал, невольно симпатизируя милой марсианской лисичке.

И всё же дней через десять Майку удалось отыскать нору. Может, он проехал бы мимо, не обратив внимания на оче-

редную дыру в почве, тем более что расстояние было сравнительно далеким, но чистая случайность заставила оранжевого зерда именно в этот момент выглянуть из своего жилища. Майк заметил движение, подъехал ближе и по следам вокруг корней дерева, остаткам от семейных пиршеств и клочкам шерсти вокруг догадался, что это жилая нора.

Бедные испуганные зерды! По злосчастному стечению обстоятельств они все были в своем логовище в этот час. Услышав топот копыт гиппариона, а затем шаги и сопение большого человека, они затаились, но поздно. Человек уже знал, что они здесь, ведь он заметил острую оранжевую мордочку в отверстии норы.

Пару раз посодействовав в отлове животных и добыче шкур для зоологов, Майк Дауман мнил себя знатным охотником, однако на деле он был не слишком опытен. На подобный промысел лучше ходить с напарником или, по крайней мере, с собакой. Пока он затыкал отнорки, чтобы зерды ненароком не выскочили, главный лаз, наскоро заваленный землей, остался без должного внимания.

Степные зерды недаром пользуются славой заправских землекопов. Всего лишь за день этот зверек в состоянии вырыть нору длиной до двадцати футов. А как они умеют маскироваться, за считанные секунды исчезая под слоем земли или песка!

Как только отец семейства услышал, что враг отошел достаточно далеко, он кинулся к основному лазу и принял-

ся изо всех сил раскапывать небрежно заваленный проход. Минут через десять он уже выскочил на свободу. Увидев зерда, Майк выругался и бросился наперерез, но помешать не успел. Вслед за отцом из норы выбрался старший сын, и оба они успели отбежать на значительное расстояние, прежде чем Майк опять загородил вход.

Но увы! Палевая самочка и три ее детеныша всё еще оставались внутри. В том числе и Мисо.

Разозленный Майк подхватил кирку, лопату и, не желая тратить время на установление какой-нибудь хитроумной западни, взялся раскапывать нору. Он видел, как два сбежавших зерда остановились в стороне, не в силах покинуть свою семью, но подойти близко они не решались.

А в глубине норы трое детенышей, прижавшись к матери, дрожали от страха. По мере приближения стука и грохота, они отползали всё глубже и глубже. Мать Беляшки, обычно такая деятельная и самостоятельная, пребывала в странном оцепенении. Их дом, их прекрасная безопасная крепость, она защищала их всегда, почему же не может защитить сейчас? Сунувшись в один, второй, третий отнорок и найдя их все забитыми деревяшками и землей, она залегла в проходе, время от времени негромко рыча на надвигающуюся неведомую опасность.

Но Бен-Нори и впрямь недаром считал Мисо необычной зердой. Именно она первой очнулась от испуга и отделившись от матери, полезла исследовать ответвления главного

лаза. Обнаружив самый дальний, пусть и перекрытый выход, Беляшка начала рыть рядом. Рыть было сложно: в том месте земля давно слежалась, то и дело попадались камни и корни кустарника. Когти скользили, застревали в переплетении растений, ломались, но Мисо рыла и рыла, ибо больше всего на свете ценила свободу и, конечно, свою семью.

Наконец ее мать, вдохновленная столь активным примером дочери, пришла в себя и кинулась помогать ей. Две лисички работали по очереди, так что скоро их носики почуяли свежий воздух. Собрав последние силы, они разрыли дыру до конца и осторожным тявканием позвали остальных.

Самым аккуратнейшим образом осмотревшись и убедившись, что страшный враг не близко, более того, как раз повернулся к ним спиной, Мисо, ее мать и младший братик выбрались из норы. Стелясь по земле, они добежали до ближайших кустов и замерли. Но что это? Почему рыжая сестричка Беляшки не с ними? Она осталась в логовище!

Они звали ее едва слышным потрескиванием, но, вот беда, рыженькая зерда была слишком напугана. Она лежала, припав к земле и закрыв глазки, словно надеясь, что так ее не заметят. Юная и неопытная, она не сознавала, что бегство – ее последний шанс на спасение.

Какая мать решится оставить своего ребенка в опасности? Можно называть это инстинктом сохранения рода, можно говорить о безусловности материнской любви, однако редко случаи, когда мать бросает дитя. Убедившись, что дочь

не сдвинется с места, палевая самочка привстала, чтобы бежать к ней и, если понадобится, вытаскивать оттуда за шкуру.

В этот момент заступ Майка обрушил тоннель.

Несчастная рыжая малышка не успела ничего сделать, тяжелый камень придавил ее, и последний тонкий писк сказал палевой самочке, что она лишилась еще одного детеныша. Долше оставаться на месте не имело смысла.

Прошло несколько часов, прежде чем Майк разворошил всю нору до основания и убедился, что его провели самым беспардонным образом.

Если бы зерды кинулись бежать, Дауман наверняка заметил бы их и догнал. Но они сразу юркнули в неприметную скальную расщелину и затаились там. Собака бы в два счета обнаружила спрятавшееся семейство, а Майк, могущий полагаться только на свои глаза, не нашел никого. Лишь храбрый оранжевый зерд, как и подобает отцу, бегал неподалеку, чтобы, если понадобится, увлечь врага за собой. Но он-то был Дауману совершенно не нужен. Отчаянно ругаясь, уставший незадачливый охотник швырнул в его сторону пару увесистых камней, не попал, рассердился еще больше, затем собрал свои инструменты и, взгрозившись на гиппариона, отправился домой ни с чем.

А над равниной и каньонами разливался яркий, ровный свет двух лун.

Оставшись без дома и погоревав о потере рыжей малышки, зерды принялись искать другое жилище. Оно отыскалось довольно скоро, им стала очередная брошенная нора.

Зерды, конечно, не знали, отчего их враг больше не появляется, но это их мало волновало. А между тем Майк Дауман действительно их не тревожил. На следующий же после охоты день он получил телеграмму – его срочно вызвали в другое поселение колонистов, ожидалось прибытие планетолета.

Шли месяцы, закончилось долгое марсианское лето, началась не менее долгая осень. Всё это время Бен-Нори и я старались по возможности не упускать из виду Беляшку.

Мисо очень выросла, превратившись в умненькую молодую самочку. Она так и не перелиняла, оставшись абсолютно белой. Кроме того, она надолго задержалась в семье. Ее старший брат покинул отчий дом, едва ему исполнилось шесть месяцев. Младший, возможно, жил бы с родителями и дальше, но на исходе лета у зерд снова произошло несчастье. Подросший детеныш убежал далеко от логовища в поисках пищи – теперь юные зерды охотились наравне с родителями – и был пойман более крупным хищником, похожим на шакала или волка. Местные зовут его ччерш. Этот ччерш не был голоден, но ради прихоти так потрепал бедолагу, что

тот не смог даже доползти до дома; на его околевшее тело наткнулся Бен-Нори во время очередного объезда равнин.

Итак, Мисо осталась в семье одна, наверное, потому и прожила с родителями целых десять месяцев. И всё же однажды, бегая по окрестностям, она наткнулась на привлекательную норку под камнем, хорошо скрытую кустами и обломками скал. Проработав три дня, она расширила и углубила ее. Больше она не возвращалась в свое старое логовище.

В отличие от обыкновенных земных лисиц зерды часто живут кланами, так что даже расставшись с родителями, Мисо сохранила с ними хорошие отношения. Оранжевый зерд никогда не рычал на нее, если она случайно забредала на его территорию. А мать, бывало, делилась с ней добычей. Впрочем, такая помощь вскоре стала Беляшке не нужна. Она научилась добывать себе пищу сама, прекрасно изучив повадки насекомых и мелких птичек.

Она вообще никогда не упускала случая узнать что-либо новое, но при этом была осторожна и не рисковала попусту. Ее любопытство простиралось и на людей, что, в общем, было довольно необычно. Думаю, этот интерес пробудил Майк Дауман своим вмешательством в ее жизнь.

Мисо иногда встречали возле дорог, ее следы обнаруживались около поселка. Она приходила ночью слушать звуки и изучать запахи людского жилья, наблюдала издали за козами и коровами. Странно, но она не пробовала напасть на кур или стащить яйца, то ли из врожденной осторожности, то ли

сознавая, что курица – слишком большая для нее добыча. Порой в сумерках мы слышали ее лающий смех, а иногда – призывное скуление.

С каждым днем ум и способности Беляшки росли. Бен-Нори рассказывал, что видел, как Мисо поймала у реки маленького турупина; тот немедленно свернулся клубком, выставив наружу все свои иголки. Мисо принялась катать его лапками по земле, ожидая, что турупин расслабитсЯ и обнажит нежное, уязвимое для острых зубок зерды брюхо, но зверек не сдавался. Беляшка задумчиво оглядела его, затем перевернула на спину, набрала в пасть воды и намочила место соединения головы и крохотного хвостика турупина. Бедолага развернулся и был немедленно съеден.

Также Мисо изобрела весьма остроумный способ избавления от блох с помощью всё той же реки. Она зажимала в зубах пучок жухлой травы и опускала в воду хвост. После чего крайне медленно входила в реку задом. Блохи, спасаясь от напасти, перебирались всё выше и выше на шею и голову. Наконец, зерда почти вся погружалась в воду, убрав даже свои огромные уши, блохам поневоле приходилось перепрыгнуть на травяной пучок. Тут Мисо аккуратно выпускала траву изо рта и быстрыми скачками выносилась на берег. Потом она долго сушилась и трясла ушами, но блох на ней больше не было.

Зиму, длившуюся более пяти месяцев, Беляшка пережила без особого труда. Наша область отличалась мягким клима-

том. Лишь три недели в году здесь лежал снег. За это время удивительная шкурка Мисо стала еще более пушистой и красивой. И так удивительно было наблюдать, как на белоснежной равнине где-то вдали вспухает вдруг сугроб и превращается в лисичку, почти неприметную на таком маскирующем фоне.

За зиму в поисках корма к каньонам перебралось еще несколько семейств зерд, преодолевших страх перед относительной близостью людского жилья. Беляшка обзавелась соседями.

Наступила весна – пора, когда даже старый Марс оживал, пора таяния ледников, наполнения рек и каналов несущей жизнь водой, пора благоухающих в степи цветов.

Мисо не знала, что вместе с весной в наши края вернулись не только тепло и свежая трава, но и ее старый враг.

6

Майк появился в поселке как раз в начале первого весеннего месяца. Он как и прежде выполнял самую разнообразную работу, координировал связь между поселениями колонистов, чинил сломавшееся оборудование, доставлял какие-то материалы и доносил до нас распоряжения армейских чиновников. И он всё еще не отказался от намерения изловить белую зерду. Даже заранее договорился с зоологами о вознаграждении за живую Мисо или за ее шкурку.

Удивительно, но Майк так и не нашел единомышленников в этом деле. Уж не знаю почему: то ли мы все, не отдавая себе отчета, привязались к маленькой Беляшке и считали ее частью нашей жизни, то ли мешала постоянная занятость. Склонен думать, что всё же первое.

Вооружившись биноклями, свистками-приманками, капканами и прочими охотничьими необходимостями, Майк Дауман вышел на тропу войны.

Сначала он попытался найти теперешнее жилище Мисо, но не преуспел. Наученная горьким опытом, та тщательно скрывала свою нору. Она никогда не бежала домой напрямик, а тщательно путала следы и совершала разведочные прыжки, чтобы убедиться, что никто за ней не следит. Она не оставляла возле лазов объедков, которые могли бы выдать ее местопребывание, и старалась не выбегать на открытое пространство. Мне кажется, она каким-то образом учуяла и вспомнила запах Майка, потому что совершенно перестала появляться у поселка.

Не достигнув успеха в поисках логовища, Дауман взялся выслеживать саму Мисо. Но поскольку он вынужден был заниматься работой, ему редко удавалось посвятить ловле два-три дня кряду. И даже напав на след – хотя точно ли это ее след, он сказать не мог, так как настоящим следопытом не являлся, – он терял его и потом уже не мог найти.

В конце концов рассерженный Майк достал себе собаку. Конечно, у нас нельзя было обзавестись настоящей гончей

или борзой, но нашлась сносно натасканная дворняжка.

Ах, Мисо! Вот тут-то и проявился ее незаурядный, будто вовсе не звериный, а человеческий ум. Что она только не вытворяла с несчастной дворнягой. Едва смекнув, что та рыщет за ней, но находится еще далеко, она разворачивалась и бежала назад по своим же следам. Затем неожиданно делала несколько прыжков в сторону и ныряла в кустарник, в высокую траву или скрывалась меж камней. Как только собака с Майком показывались на горизонте, Мисо затаивалась, и те проходили мимо, уверенные, что вот-вот настигнут беглянку. А она преспокойно убегала по их следу в обратную сторону.

Она умела спрятаться за любой мало-мальски подходящий обломок скалы, за куст или схорониться в крохотном овраге. Чтобы скрыть свою приметную белую шерстку, она научилась почти мгновенно закапываться в землю. Пыль оседала на шкуре, и Беляшка сливалась с почвой. Бывало, если Мисо не видела места, где можно было бы переждать, она морочила голову собаке, бегала сзади нее, не показываясь на глаза, и лишь предоставлялся случай, прыскала в сторону и исчезала в траве. А сколько раз она переплывала речку, чтобы избавиться от настойчивого преследования...

Один раз дворняге удалось-таки настичь Мисо. Пес уже раскрыл пасть, готовый схватить зерду, как вдруг та упала замертво, не двигаясь и не шевелясь. Пролетев по инерции вперед, пес вернулся и в недоумении застыл над неподвиж-

ной добычей. Азарт погони пропал, что теперь делать: трепать мертвого зверя, охранять до приезда хозяина или бежать ему навстречу? Пока пес размышлял, Мисо вскочила и, мазнув хвостом ему по глазам, так что тот на пару мгновений потерял способность видеть, со всех лап рванула к реке. Где легко ушла от погони, как много раз до того. К счастью для Беляшки, Майк замешкался из-за норовистого гиппариона и позора своего пса не видел.

Закончилась вся эта история тем, что в один прекрасный день собака свалилась в какую-то котловину и сломала себе лапу. Пока пес выздоравливал, отлеживаясь во дворе, Майку пришлось продолжить охоту в одиночку.

Временами ему попадались другие зерды, но их он не трогал, одержимый лишь своей целью. Однако благодаря им он подсмотрел место «мышковья». Не знаю, применимо ли это земное название к марсианским лисичкам, но за неимением других обозначений, остановимся на нем.

Часть равнины у реки была густо заселена крошечными грызунами, и зерды часто приходили сюда, чтобы поохотиться. Зрелище это весьма увлекательное. Мышкующая зерда стоит, наострив свои громадные уши, прислушиваясь к малейшему пisku на земле или под землей. Углядев матриску, она подпрыгивает и приземляется ей на голову подушечками сдвинутых передних лап. Если же звук исходит из глубины, она бросается разрывать норку и делает это с потрясающей скоростью. Так она может гоняться за «мышами» от норки

к норке полдня или ночи.

Решив, что Беляшка рано или поздно здесь объявится, Дауман в течение пары недель приходил и, засев в присмотренное им заранее укрытие, ждал ее с ружьем в руках. Ружье было заряжено ампулами со снотворным.

Однажды Майку повезло.

Как-то вечером у дальнего холма возникло белое меховое облако; присмотревшись, охотник убедился, что это Мисо. Возможности прицелиться не предоставлялось довольно долго, наконец он решился подманить ее свистком. Заслышав писк, Беляшка насторожила уши. Ее враг сидел с подветренной стороны, она не чуяла его, однако что-то в манящем звук показалось ей неестественным, потому что она продолжила мышковать, не приближаясь к засаде. Майк был вынужден начать подкрадываться сам. Он старался двигаться только тогда, когда двигалась сама зерда, чтобы не спугнуть ее раньше времени. Но в какой-то миг Беляшка замерла настолько неожиданно, что в наступившей тишине отчетливо раздался хруст ветки, попавшей под ногу Дауману.

Майк понял: сейчас или никогда. Долю секунды он прицеливался, потом нажал на спуск. И вот ирония! Именно в этот момент Мисо совершила свой разведочный прыжок. Шприц-дротик прошел мимо, а зерда бросилась удирать. В отчаянии Дауман выстрелил ей вслед, но, разумеется, не попал.

И снова началась изматывающая, бесплодная охота.

Дауман ставил капканы на протоптанных зверями тропках, изобретал замысловатые ловушки, которые не всякий промышленник использует. Но в них попадался кто угодно, только не неуловимая зерда. Ее нюх был настолько тонок, что сразу позволял различить запах человека, таким образом она обходила стороной любые подозрительные предметы, даже искусно замаскированные.

Но пришел день, когда удача все-таки изменила маленькой Мисо.

7

Произошло всё совершенно случайно. На рассвете Дауман возвращался из поездки по делам. В этот раз он вовсе не собирался охотиться и не имел при себе никаких инструментов. Единственное, чего он хотел, добраться поскорее домой и лечь спать, потому что работал всю ночь.

Майк ехал по открытой равнине, как вдруг ярдах в ста перед ним, словно видение, возникла белая зерда. Поначалу он не поверил своим глазам, осознав же, надал пятками в бока гиппариона. Сон с него слетел мгновенно.

Мисо, выскочившая из ложбинки между холмами, растерялась. Она слышала стук копыт, но не почуяла вовремя человеческого запаха и оказалась беззащитной. Она ведь тоже возвращалась домой после ночной охоты, тоже была уставшей и тоже мечтала свернуться клубком у себя в уютной нор-

ке. Ей ничего не оставалось, как броситься бежать.

Будто назло, спрятаться было абсолютно негде, и Майк быстро настиг беглянку. Поймать ее, не спешившись, он не мог, так что ему оставалось только гнать и гнать Мисо вперед, надеясь на то, что в конце концов она устанет и тогда удастся ее схватить.

Мисо была молодой и здоровой зердой, поэтому пролетела, не останавливаясь, целую милю. Но потом силы стали покидать ее. Если бы у нее был шанс хоть немного передохнуть, она бы побежала с прежней резвостью, все зерды быстро восстанавливаются. Однако Майк не давал ей такого шанса, он всё время держался рядом, отрезая любые пути к спасению.

Вот лапки Беляшки стали подкашиваться, она захромала. Еще немного, и она ляжет, не в силах подняться, а враг непременно вцепится ей в спину. Он так близко, его гиппарион чуть не наступает на Мисо, она еле успевает уворачиваться...

И тогда зерда воспользовалась последним шансом.

Чуть в стороне виднелась россыпь валунов, Мисо сделала последний рывок и влетела прямо в глубокую пустоту между двумя каменными плитами.

Подскакав, задыхающийся Майк осмотрел убежище зерды, рискнул заглянуть внутрь, понял, что лаз глубокий и обычной палкой Беляшку оттуда не выманишь. Под рукой не было ничего, кроме камней. Не придумав ничего лучшего, Майк завалил дыру камнями и отправился в поселок,

чтобы наконец-то выспаться и хорошенько обдумать, как достать непокорную зерду.

К вечеру выход был найден. Дауман вспомнил об одной простой ловушке, про которую ему рассказывал русский колонист, проводший детство в Сибири. Майк нашел поваленное дуплистое дерево, отрубил от него часть и расколол вдоль, получив таким образом небольшой полуцилиндр. На середине его длины он проделал сквозную поперечную бороздку, в которую вставил опадную дощечку с грузом в виде полена. Изготовив сторожок и насторожив дощечку с помощью металлической пластинки, он опробовал западню. Та сработала как нужно. Тогда Майк сложил устройство в мешок и отправился к валунам, где уже целый день томилась безнадежно запертая Мисо.

На этот раз ей некуда было деваться. Она пробовала выбраться, но ее окружали лишь камни. Голодная, измученная темнотой и неизвестностью Беляшка лежала, спрятав свой черный носик в пушистый хвост. Так прошло много часов, а потом она услышала шум отваливаемых камней и учуяла знакомый запах опасного человека. В дырку просунулась палка и ткнулась по углам, разок попав Беляшке в бок. Она зарычала.

Убедившись, что зерда не сбежала, Майк приставил один конец ловушки к лазу, обложил его камнями для устойчивости, затем насторожил дощечку и отошел в сторону, приготовившись ждать.

Ждать пришлось долго. Мисо не видела своего врага, даже запах будто бы развеялся, и всё же ощущала неладное. «Опасность, опасность!» – шептало ей внутреннее чутье, так часто спасавшее ее в прошлом.

Но свет двух лун, льющийся в полукруг выхода, так манил, и крошечный желудок сжимался, когда ветер приносил ароматы и звуки из степи: вот трепещет крыльями исиги, вот пробежала такая аппетитная ящерка, а вот пролетела ночная бабочка – так близко, так вкусно! И мало-помалу Мисо стала ползти к выходу. Еще шажок, еще, уже совсем близко та странная деревянная штуковина, тревожная, нехорошая, но только через нее ведет путь на свободу...

Она решилась. Один ползок, второй. Пока всё спокойно, всё безопасно. Третий ползок... Ах! Очередным движением Мисо задела сторожок, и дощечка с грузом упала вниз, придавив зерду поперек спины. Она рвалась, изворачивалась, пытаясь укусить схватившего ее врага, но всё было напрасно. А рядом уже слышались шаги ее неутомимого преследователя.

Руки Майка Даумана в толстых перчатках связали ей лапы, замотали мордочку и положили в мешок.

Так мечта Майка осуществилась: зерда была поймана. Он уже предвкушал поздравления от Союза биологических обществ и, что более существенно, порядочный гонорар от него же. И все-таки какое-то странное чувство не давало ему покоя. Пожалуй, он бы и сам не смог дать ему названия.

Вернувшись домой, Майк развязал Мисо и пересадил в приготовленную заранее клетку. Вопреки опасениям, зерда не стала бросаться на прутья или вести себя излишне буйно. Однако когда Дауман поставил ей миску с мелко порубленным мясом, она к ней даже не подошла, хотя к тому времени уже сутки не держала во рту ни крошки.

На следующий день весь поселок сбегался посмотреть на добычу Майка. Пришел и Старый Бен. Увидев белую зерду, он неодобрительно покачал головой и, пробурчав что-то на своем языке, удалился. А я смотрел на нее, сочувствуя всей душой.

Мисо лежала тихая и безучастная. Она не подняла головы, даже когда в нее стали тыкать палочкой, чтобы заставить двигаться. Она ничего не ела и не пила, так что Майк стал беспокоиться, довезет ли ее зоологам живой. Перевозка намечалась через три дня.

Следующий день прошел точно так же, Мисо лежала в углу клетки, уткнувшись носиком в собственный хвост. Единственное, что она сделала, это немного полакала воды из миски.

А вечером она начала скулить. Она скулила и скулила, громко, надрывно, протяжно, выворачивая душу всем, кто ее слышал. И столько в этом вопле было тоски по свободе, по

родной степи и каньонам, что Майк вынужден был заткнуть уши пробками, чтобы выспаться. Но и тогда вой тоскующей зерды раздавался у него в голове печальным бессловесным укором.

Наутро, посоветовавшись с Бен-Нори, мы пришли, чтобы договориться с Дауманом о продаже Мисо. Мы оба хотели выпустить ее на волю.

– Нет, – отрезал Майк, едва мы изложили наше предложение. – Я за этой чертовой лисой гонялся несколько месяцев, и теперь она моя.

Да, победа над животным в столь упорной охоте значила для него гораздо больше, чем для других, и он хотел насладиться ею сполна, получив вознаграждение из рук ученого сообщества.

А Мисо скулила. Весь день и всю ночь. Только голосок ее слабел и слабел с каждым часом. Вечером перед отъездом Майк зашел в сарай посмотреть на зерду. Она подняла мордочку и впервые взглянула на него своими круглыми шоколадными глазами. Едва слышный плач вырвался из ее горлышка.

Майк стиснул зубы, в сердцах хлопнул дверью и вышел прочь.

Проснувшись следующим утром, я позавтракал и отправился на улицу. У последнего дома я обнаружил Майка, стоящего перед дверью сарая. Он был одет по-дорожному, его вещи сложены и приготовлены к перевозке. Он стоял непо-

движно и смотрел внутрь.

– Доброе утро. Что-то случилось? – спросил я, приближаясь.

Вместо ответа Майк подвинулся в сторону, и я увидел клетку Мисо в сарае. Клетка была открыта.

Она была пуста.

Я вопросительно взглянул на Майка. Тот кивнул в сторону каньонов.

– Она убежала? – догадался я.

Он кивнул.

– Это Бен-Нори? – Я поинтересовался, потому что знал, что тот вполне мог прокрасться ночью и выпустить зерду.

Дауман лишь криво усмехнулся.

– Чертова зерда, – пробормотал он. – Скулила и скулила, негодяйка. Всю ночь спать не давала.

И тут я понял.

Чуть позже этим днем Майк Дауман уехал из нашего поселка. Один.

А Мисо сидела на пригорке в виду поселка и смеялась своим особым отрывистым смехом. «Ийяуть-ть, Ийяуть-ть!» – разносили каньоны звучное эхо.

Позже мы с Бен-Нори еще не раз встречали ее в степи. Старый Бен говорит, что зерды имеют разум не зверя, но человека. Конечно, это не так, но после всего, чему я был свидетелем, я готов впустить в свои убеждения немного сомне-

ний.

Зимой я видел Беляшку вместе с крупным красно-охристым зердом, так что можно надеяться, что скоро у нас появится новый выводок маленьких зерд. И возможно кто-то из них унаследует от матери ее ум, смекалку и необычный цвет шерсти.

Джек Лондон. Черный бок Япета

(Автор: Юлиана Лебединская)

Джек Лондон (Jack London) родился 12 января 1938 года в Сан-Франциско (США, Земля) в семье обедневшего фермера. Настоящее имя – Джон Гриффит Чейни (John Griffith Chaney).

В 1955 году отправляется на Марс в качестве прислуги семьи колонизаторов. Впечатления от путешествия легли в основу его космических рассказов и романов (среди которых «Космический волк»). А за свой первый очерк «Тайфун на орбите Марса», опубликованный в том же 1955 м, Лондон получил премию межпланетного журнала «Ойкумена-Инфо».

В 1956 году он возвращается на Землю и примыкает к походу «бездомных и безработных», протестуя против недоступности инопланетной колонизации для простых граждан. За что и попадает на месяц в тюрьму. В этом же году поступает в Калифорнийский космический Университет, но, проучившись три года, вынужден бросить вуз из-за отсутствия средств на обучение.

В 1960 году, поддавшись «серебристой» лихорадке, отправляется на Япет. Черно-белая планета покоряет его. Он возвращается на нее снова и снова. Но вместо серебра находит там героев своих будущих произведений. Первые Япет-

ные рассказы Лондона публикуются в 1961 году, а уже в 1962 м выходит авторский сборник «Дети черного снега». Писательская деятельность захватила его, он работал по пятнадцать-семнадцать часов в день. За свою не очень-то длинную карьеру успел подарить миру около сорока великолепных книг.

В 1964 году Джек Лондон побывал на Венере. Вернувшись, написал роман «Люди джунглей», который имел успех на всех планетах, кроме Венеры.

В 1965 м – работал корреспондентом на войне марсианских колонистов против самозванного императора Тускуба IV.

В 1970 году писатель отправляется в межпланетное путешествие. К этому времени Лондон становится высокооплачиваемым автором и весьма состоятельным человеком.

В последние годы жизни Джек Лондон переживал творческий кризис, из-за чего сначала едва не спился (сумел вовремя завязать), а потом решился на покупку сюжета для нового романа. Сюжет ему продал начинающий марсианский писатель Синклер Льюис. Лондон назвал будущий роман «Бюро убийств», однако написать его не успел...

Джек Лондон скончался 22 ноября 1978 года в городке Глен-Эллен, Калифорния, Земля. Последние годы он страдал от почечного заболевания и умер, отравившись прописанным ему морфием. По одной из версий, впавший в депрессию писатель закончил жизнь самоубийством.

Снег скрипел под ногами, блестел смоляной чернотой. Морт знал, что это просто черная космическая пыль, при-
трусившая огромный ледник, но каждый раз обманывался. Черный снег. Промерзшая насквозь пустыня – неподвиж-
ная, беспредельная, она, казалось, жила странной безмолв-
ной жизнью, дышала глубокими кратерами. И дыхание ее ле-
дяной дымкой парило в воздухе, оседало на прозрачные тер-
мокостюмы людей и собак. Словно говорило им, незванным
гостям: прочь! Вам здесь не место. Вы еще слишком живы.
Бродили тут и до вас смельчаки, не чета вам, но даже им
не по зубам оказался Япет. Постучав в двери черного без-
молвия, они остались с ним навсегда.

Уходите. Пока вы еще чужие.

– Мортон! Объект!

Крис махнул рукой в сторону кратера, к которому под-
бежали три лайки из шести. Собаки стояли, задрав морды
и флегматично виляя белыми хвостами. Мортон подошел
ближе. Посмотрел снизу вверх на кратер. Скользнул долгим
взглядом по черному безмолвию. Помнишь меня? Я один
из тех, кто стучал, и не раз, в двери. Твои чертовы мерзлые
двери! Но мне повезло. Я не только сумел уйти, но еще и по-
смел вернуться. Что скажешь теперь?

Пустыня молчала.

– Надо поторапливаться, Мортон.

Он кивнул. Термокостюмы удержат температуру еще ча-

сов десять. Максимум – двенадцать. Установлено опытным путем год назад. Япетный год. Морт лично убедился, что черный бок капризной планеты не дружит не только с машинами, терморегулирующими защитными костюмами и прочей сложной техникой, но даже с налобным фонариком. А потому действовать приходилось вручную, порой – практически вслепую. А еще – очень быстро.

В прошлый раз собаки обследовали три десятка кратеров. И лишь семеро из них оказались интересны для человечества. Причем за пятью пришлось перебираться через хребет Япета – вся шестерка собак упорно тянула в гору. Перебрались. Благо гора в этом месте была невысокой, а снаряжение всегда под рукой. И времени, как им казалось, навалом. Кто же знал, что термокостюм Мортон начнет раньше срока терять резервный запас тепла. «Тепловики» его спутников продержались еще около часа. За это время товарищи успели дотащить полуживого Морта до корабля (температура в его костюме уже скатилась до минус тридцати) и взлететь. Мортон вздрогнул, вспоминая, как леденеющей куклой висел на руках Джима и Кейта, Билли бежал впереди, а Черный Бок всё пытался обнюхать хозяина. Как карабкались по горному хребту (чтоб его!), благословляя притяжение Япета – на Земле бы не дотащили живым. Не успели бы. А он всё силился сказать: «Бросьте, ребята. Уходите, пока можете, а я здесь навсегда». Минус сто сорок – это вам не вечное лето. Когда немеет, замерзая, тело – становится страшно, но когда под

взглядом безмолвия выворачивается наизнанку душа – это, знаете ли, больно. Потому крутящаяся на языке фраза так и не вырвалась наружу. Замерзла.

А то, что собак нет, Морт заметил только на корабле...

Крис достал карабин. Покосился на черный склон кратера – не слишком высокий, всего каких-то метра четыре, но достаточно крутой и скользкий. Без снаряжения не обойтись – колья с натянутой веревкой с прошлого раза остались. Иные кратеры совсем низкие и пологие, можно и пешком зайти. Только серебра в них нет... Крис щелкнул карабином.

И пронзил тишину протяжный вой.

Мортон и Крис замерли, прислушиваясь. Занервничали собаки. Снова вой. Лайки закрутились на месте, тревожно подняли носы. Кто-то зарычал, кто-то тьякнул.

– Это эхо, – сказал Крис. – Эхо гор. Наверное. Здесь никого нет. Не может быть.

Морт молча прошел несколько шагов вперед. Всмотрелся в безмолвную равнину. Черный лед, мерзлая бесконечность. И бесшумная тень между далекими кратерами. Или показалось? Не разглядеть ничего. Вечный день внутреннего полушария Япета правильнее было бы назвать вечными сумерками – свету Сатурна далеко до солнечных лучей.

– Что происходит? – К ним, цокая «кошками» по льду, подошли Джек и Барбарди.

– Э... Эхо, – повторил Крис.

– Если эхо, – проворчал Барбарди, – полезли за серебром. Некогда болтать.

Барб развернулся и потопал к соседнему кратеру, возле которого тоже крутились лайки. Шел, не переставая бурчать. Его напарник, Джек, шагал молча – он вообще любил помолчать, за него говорил Барб. Мортон невпопад подумал, что голос Барбарди ужасно похож на голос сварливого толстяка. Закроешь глаза, и видится эдакий добродушный увалень, перекатывающийся с боку на бок. Открываешь – подтянутый жилистый мужчина со строгим взглядом. Нет, однозначно невозможно общаться с Барбом с открытыми глазами.

Джек с «увальнем» уже карабкались по склону своего кратера, а Морт всё стоял и смотрел куда-то за горизонт.

– Мортон, – Крис тронул его за плечо. – Опять замерзнуть хочешь?

– Там тени, – сказал Мортон, и Крису стало не по себе. Три пропавшие экспедиции. Двое выбравшихся из темной зоны бедолаг, один из которых умер от обморожения, не долетев до Земли, второй, вернувшись с Япета, сошел с ума. Теперь вот Морту что-то мерещится. Крис никогда не верил рассказам о зове черной пустоши, которая якобы манит, притягивает, а, схватив, не выпускает, но сейчас, глядя на друга...

– Зря ты прилетел, Морт. Не надо было.

– Эй! Ты еще тризну по мне справь, – огрызнулся Мортон и зашагал к кратеру.

Взобраться на вершину кратера, закрепить снаряжение, забраться в жерло – один спускается, другой страхует наверху. Хотя правильнее было бы сказать – не страхует, а просто опускает-поднимает веревку, чтобы было удобнее передвигаться по отвесной стене. Падения здесь бояться глупо. С силой притяжения в сорок раз меньше земной захочешь – не разобьешься. И тем не менее говорили: «страховка». По привычке. В данном случае страховал Морт. «А Крис – перестраховывался», – мрачно подумал бальзамоискатель, глядя на спину товарища и напарника, не пустившего его в кратер. Ну и ладно. Налазился он уже. Мортон наблюдал, как Крис снимает со специального пояса флягу за флягой и заполняет их «серебристым бальзамом» – вязкой жидкостью, не имеющей аналога ни на Земле, ни на других планетах. Вещество это водилось и на светлой стороне черно-белого спутника Сатурна. Собственно, там его и обнаружила первая экспедиция Япета чуть больше шести лет назад. После изучения бальзама по всей Америке, а потом – и другим странам, начали открываться «серебристые криосауны», способные, в отличие от косметических азотных, если не излечить практически любое заболевание, то хотя бы замедлить его. Сауны с инопланетным бальзамом использовали вместо химиотерапии, антибиотиков и даже транквилизаторов. Сам Морт, обморозившись в прошлый раз, лечился серебром. За счет заведения, так сказать. Правда, лечить ему нужно было не столько тело, сколько обмороженную душу,

но тут уже бальзамы бессильны...

Разумеется, «серебро» мгновенно стало на вес золота. И потянулись на Япет охотники за богатством. Как некогда Калифорния содрогнулась от лихорадки золотой, так нынче дрожала черно-белая планета от лихорадки серебристой.

Только маловато оказалось серебра. На светлом полушарии бальзам попадался в одном кратере из ста. Можно было сутками бродить по ледяной пустыне, не найдя ни одного живого источника. Кому-то просто не везло, кто-то опоздал – перед ним уже побывали другие бальзамоискатели. Восстанавливался опустошенный кратер лишь спустя малый Япетный год. А потом начали пропадать корабли. Отчаянные охотники за серебром, истоптав светлую сторону Япета, летели на темную. Летели, несмотря на то, что о ней до сих пор не было четких данных – исследовательские зонды упорно отказывались садиться на темный бок. В лучшем случае, несмотря на команды, облетали его десятой дорогой. В худшем – уходили в безопасный режим. Но лихорадке нет дела до данных.

Бедолага, первый вернувшийся на Землю с темной стороны, сам не понял, что остался на Япете навсегда. Но всё же он сделал главное – вынес к кораблю флягу с серебряным бальзамом, и до самого дома прижимал ее обмороженными руками к обмороженной груди. А еще, прежде чем сойти с ума, успел подтвердить то, о чем все догадывались: на темном полушарии не работает техника. Никакая. И четвертой «чер-

ной» экспедиции повезло, что они додумались оставить корабль с пилотом на белой стороне. Пятая экспедиция прилетела лишь спустя земной год, но зато взяла с собой специально выведенных «япетных» лаек. Среди охотников были и Морт с Черным Боком. Прошлая экспедиция Мортон была уже восьмой. Никто из его экс-соратников на девятый полет не решился.

Дернулись веревки – Мортон начал поднимать напарника. Но вдруг его внимание отвлек растерянный лай. Он, обернулся, посмотрел вниз. Белая тень метнулась к подножию кратера, раздался визг, собаки превратились в единый рычащий ошестинившийся клубок. Отчаянный вой, крик, подозрительно похожий на предсмертный. И тень умчалась прочь.

– Морт?! Ты заснул там? Эй!

Мортон медленно повернулся к висящему в кратере Крису. Потянул за веревки.

– Что с тобой? – Вскарabкавшийся на вершину Крис всмотрелся в белое лицо товарища.

Морт молчал. Сначала спуститься, проверить, а потом уже рассказывать про зловещую Тень. Если будет, про что рассказывать...

– Мортон? Ты в порядке?

Он кивнул. По-прежнему молча. Крис посмотрел на него, как на психа. А он и есть псих. Су-мас-шед-ший, – шед-ший, – шедший, – шедший. Морт спускался, пятась и дер-

жась за веревку, и повторяя про себя (или вслух?) одно и то же слово. К концу склона даже развеселился.

Но ненадолго.

– Бейсик! Бейсик пропал!

– Ты чего вопишь? – Крис, не поднимая головы, поправлял фляги на поясе.

– Вожака нет!

– Мортон, послушай...

– Сам смотри!

Крис уставился на связку. Две белые собаки скулили и щетинили, насколько позволяли «тепловики», загривки. Две. А должно быть трое! Морт озирался по сторонам в надежде, что Бейсик просто отбежал куда-то. Его напарник подошел к лайкам, наклонился, пощупал лед.

– Здесь шерсть, – сказал он, выпрямляясь. – Что ты видел, Мортон?

– Тень. То есть я видел собаку, но... Как же это?

– Что у вас произошло? – Барбарди материализовался бесшумно, словно сам был тенью.

– Да вот, – Крис растерянно кивнул на лаек. – Бейсика уволок. Кто-то...

Барб с полминуты молча изучал двух собак. Потом коротко бросил:

– Уходим.

– Что? – Крис аж подпрыгнул. – Здесь еще столько...

– Вам мало приключений? – От сварливых «увальневых»

ноток не осталось и следа, теперь голос Барба вполне соответствовал его внешности.

– Прошлый раз, – он выразительно посмотрел на Морта, – кто-то не рассчитал время с температурой и едва не сдох. А всё потому, что подумал: «Здесь еще столько наживы!» И не ушел вовремя. Теперь мы снова «не рассчитали», решив, что планета абсолютно необитаема. И пока не выясним – с чем столкнулись, лучше отойти.

– Я знаю – с кем. Я видел собаку.

– Здесь могут быть другие экспедиции, – предположил Крис. – У них тоже есть собаки...

– Бойцовые лайки?

– Может, они решили избавиться от конкурентов?

Барб покачал головой, посмотрел на Мортон.

– Ты видел собаку или собак?

– Собаку. Одну.

– Одна «япетная» лайка не справится с тремя. Для полетов на Япет выводились одинаково крупные, выносливые лайки с повышенным IQ и умеренной агрессией. Одинаковые, понимаете? Я отслеживаю все новости УВК и не слышал, чтобы для этой цели создавалась еще какая-то порода. А значит, чтобы напасть на упряжку, отбить и уволочь вожака, нужен кто-то посильнее и поагрессивней нашей лайки. А главное, этот кто-то должен быть без скафандра!

– Я знаю, кто это был, – сказал Мортон. – Надо было вернуться тогда.

Барб с Джеком недоуменно переглянулись. А Крис вздохнул и сказал:

– Морт, опомнись. Температура – минус сто сорок три по Цельсию. Лайки, конечно, выносливы, но не настолько.

– Уходим, – припечатал Барб.

– Говорят, здесь одно время марсиане жили. Каким-то образом. Может, и лайки...

– Сказки это всё про марсиан! И не знаю, что ты там себе насочинял, но это тоже сказка.

Ответом спорщикам стал протяжный вой. Мужчины, не сговариваясь, пристегнули поводья собак к поясам и зашагали к кораблю. Новый вой настиг их у границы с белым полушарием.

– Быстрее! – Барбарди и Джек рванули так, что потеряли равновесие, Барб поскользнулся, а Джек и вовсе упал. Вернее – мягко спланировал на лед.

Вой. Снова и снова. И три тени маячат среди кратеров.

Собаки занервничали, заметались. Шелли дернулась, закрепленный наспех карабин сорвался с пояса, и собака помчалась прочь.

– Шелли! Ко мне! Шелли! Крис, держи Марса! – Мортон перещелкнул карабин с поводком на пояс товарищу и бросился за удравшей лайкой.

– Морт, оставь ты ее! Самим бы убраться.

– Нет уж. Больше я не брошу здесь ни одной собаки. Шелли!

Лайка остановилась, неуклюже присела на задние лапы. Мортон настиг ее в два прыжка. Пристегнул поводок к ошейнику. И с размаха пнул ногой в живот. Затем еще и еще, лайка взвыла, попробовала огрызнуться, что, впрочем, было абсолютно бессмысленно в термокостюме со шлемом. Мортон ударил снова. Шелли завизжала, припала к земле.

– Мортон! – Барб схватил его за руку. – Ты что творишь? Убираться надо!

– Я больше не позволю сбежать ни одной собаке, – выдохнул Мортон. И поволок Шелли к кораблю, но Барб отобрал поводок и пристегнул к своему поясу. Рядом со связкой фляг.

Мортон замедлил шаг, согнулся. Тяжело выдохнул. Что это с ним? Никогда раньше он не позволял себе ничего подобного ни с животными, ни с людьми. Он посмотрел в спину товарищам. Барб, обвешанный флягами, и плетущаяся за ним Шелли. Джек с Колли, Джейной и Карром на поводках. Крис с флягами и с Марсом. Бедный Бейсик. А Шелли надо будет дать двойную порцию еды. Мортон выпрямился и... Навалилось тяжелое, сбило с ног. Щелкнули клыки у шлема, ударили в грудь сильные лапы – на Земле бы убил такой удар. Красные глаза уставились на человека, обожгли холодным безумием. Человек не двигался.

– Бок. Черный Бок, – прохрипел он, краем сознания отмечая, как за спиной спотыкнулся, останавливаясь, Крис. Как натянули поводья собаки, стремясь свести счеты с чужаком, как выматерился Барб. А Джек молча с ним согласился.

Тень тоже замерла. Принюхалась к распластавшемуся человеку. И зарывчав, отступила. Попятилась, всё еще рыча, и бросилась прочь. Две другие тени замешкались на секунду и бесшумно помчались за первой. Едва дыша, Мортон смотрел вслед собаке. Дикий пес, убегающий в бесконечное черное безмолвие. Тень, скользящая по ледяному морю. Некогда белая и пушистая, а сейчас свалявшаяся шерсть. Выступающие ребра. И черный левый бок. Он был единственный такой среди безупречно белых лаек – чернобокий, бракованный. Морт купил его, не задумываясь. И он бы ни с кем его не спутал. И пес узнал хозяина. Узнал и признал, несмотря на предательство. Но как?

Температура – минус сто сорок три по Цельсию.

Прошло три земных месяца.

Здесь невозможно жить, здесь нечего есть, негде спрятаться от холода, и – прав Барб – сказки о марсианских поселениях всего лишь сказки.

И тем не менее.

Это был Черный Бок.

Черный Бок мчал сквозь сумрак япетного дня. Его спутники бежали рядом, отстав на пару шагов. Бок кожей чувствовал их недоумение. Еда была в наших зубах! Живая теплая еда, которую не так уж часто здесь встретишь. Да что там – не часто, первый раз попалась! Почему главарь ее бросил? Самку свою накормил, а как же мы? А, вожак? Вожак мол-

чал. Он почти забыл Морта. Забыл, как скулит у подножия горы, в надежде, что хозяин спустится за ним. Забыл, как карабкался по скользкому крутому склону, каждый раз скатываясь вниз, вставая и повторяя попытку – снова и снова. Сизифов труд, подумал бы человек. Бок ничего не думал, он бежал и скатывался, скатывался и бежал, пока не упал обессиленный. Забыл, как завыл – отчаянно, горестно, – увидев взлетающий над горным хребтом корабль. И вместе с ним завыли Майка и Спарк – товарищи по связке, и Тара с Барсом тоже завыли. И даже Лит. Собаки не умеют анализировать, сводить воедино причины и следствия, просто они как-то сразу почувствовали, что остались одни. Что никто не спустится забрать их в теплую каюту, накормить вкусной мясной смесью, почесать за ухом, наконец.

Черный Бок выл и выл, крича далеким звездам о своей потере. А потом почувствовал, что замерзает. И закончилась бы собачья история совсем печально, если бы не счастливая случайность. Окончательно осознав, что его бросили, пес помчался по черной пустыне, холодной, неприветливой, чужой. Он не надеялся удрать от смерти, но и ожидать конца, безвольно сложив лапы, не собирался. Бок бежал и бежал, чувствуя, как с каждой секундой уходит тепло из термокостюма, из тела. Поскальзывался, падал, вставал и мчал дальше, несмотря на коченеющие лапы. Майка со Спарком бежали за ним, тоже слабея и замерзая. Рядом мчались Тара и Барс со своим вожаком – Литом. С того момента, как

они остались одни, без людей, забияка Лит ни разу не попытался задеть Бока, хотя обычно любил устраивать «разборки вожakov». Впрочем, Боку некогда было удивляться – он бежал. А когда, наконец, рухнул без сил, то вдруг понял, что больше не мерзнет. Там, куда он прибежал, было тепло! Бок слабо взвизгнул. Будь он человеком, непременно задумался бы об удивительных природных явлениях, понял бы, что в центре темной стороны Япета, у подножия горного хребта, кратеры полны не серебром, а лавой. А потому здесь – на крохотном участке ледяной планеты – тепло! Он бы задумался, почему ни одна из земных экспедиций до сих пор не наткнулась на этот оазис, почему никому из потерянных людей не повезло так, как лайкам. Будь Бок человеком, подумал бы еще много о чем. Но он был псом, а потому просто пользовался неожиданным даром Япета. Лег на живот, вытянул измученные лапы, положил на них морду и тихонечко заскулил. Спустя несколько мгновений к нему подползла Майка, примостилась рядом, прижалась спиной. Спарк свернулся клубочком рядом. Лит с Тарой и Барсом разместились чуть поодаль.

Япет принял новых жителей.

– Я должен вернуться за Боком!

На корабле Мортон стянул с себя термокостюм, остервенело зачесал спину. Как всегда после «тепловухи» жутко зудело всё тело.

– Морт, это не Бок, – возразил Барб, снова включая «голос увальня». – Там невозможно выжить.

– Тогда что же это? – Морт поднял на него тяжелый взгляд. – Древний марсианин?

– Я не знаю. И пока мы не выясним этого наверняка, лучше...

– Как они могли его бросить? Как могли?

– Они тебя спасали. И спасли, между прочим. Возиться с собаками было некогда.

– Я должен вернуться.

– Сейчас ты должен отдохнуть, – Барб миролюбиво развел руками.

Ага, как же! Я засну, а они взлетят. Дудки! Морт одним глотком выпил двойную порцию энергетического напитка. Задумался. Невпопад вспомнилась Хелена. Ее он тоже предал, как Бока. Изменил с черно-белой планетой. Боже, как же Хел не хотела его отпускать в первую экспедицию! Плакала, просила остаться, твердила, что чувствует катастрофу. Мортон слабо усмехнулся. Он прилетает на Япет уже седьмой раз. Официально – охотник за серебром, а на деле – нелепый влюбленный. Наркоман, неспособный прожить без черно-белого безмолвия. Но если светлая сторона Япета его просто завораживала, то темной он был одержим. Хелена оказалась права – катастрофа случилась. Нет, ни один их корабль не пострадал, не сбился с пути, – потерялся сам Мортон, пропал в ледяной пустоши. На родную Землю воз-

вращалось лишь тело. Душа каждый раз оставалась на спутнике Сатурна.

Он потерял Хелену.

А потом и Бока.

Бок. Черно-белый пес лучше всех находил серебро. Пока другие лайки принимаются, он уже три нужных кратера вычислил. На светлой стороне исследованием кратеров занимались роботы, на темной – собаки. Лайки, выведенные специально для того, чтобы вынюхивать бальзам. Как земных собак натаскивали на наркотики, так этих – на серебро.

Бок был лучшим. Настоящим вожаком. Впрочем... Почему же был? Он и сейчас... есть.

Бок выл. Сидел посреди теплового оазиса Япета, задрав морду, и изливал душу безразличному диску Сатурна. Тара и Спарк какое-то время смотрели на вожака растерянно, а потом тоже завyli. На всякий случай.

Бок выл. А перед глазами пса мелькали картинки. Вот они с Мормом на зеленой лужайке валяются в обнимку. Вот он рычит на ночных негодяев, посмевающих обидеть Морта. Вгрызается одному из них в ногу, рвет мясо, задыхается от вкуса крови на зубах. А Морт позже гладит его по холке, говорит: хороший. При чем тут хороший или плохой, когда на любимого хозяина напали? А потом они с Мормом играют в нападение и защиту. Морт всё время повторяет: «В космосе не нужны агрессивные лайки, но сейчас-то мы на Земле».

А вот они с Мортм в тесной коробке, именуемой кораблем. Следующий кадр – он сидит у вулкана, переминаясь с лапы на лапу, смотрит в небо, всё еще надеясь, что Морт вернется. Что он случайно забыл о Боке, но скоро вспомнит, обязательно вспомнит. Ведь иначе не бывает, правда? Вот они с Майкой и Спарком стягивают друг с друга ставшие обузой термোকостюмы, рвут их сначала «кошками», потом – когтями и зубами. Связка Лита занимается тем же самым. Обычные собаки до такого, может, и не додумались бы, но япетные лайки превосходили по интеллекту своих четырехлапых сородичей. И вот новая картинка – его лапы скользят по «тепловику» бывшего хозяина. Бывшего – не потому что предал, а потому что Бок практически успел его забыть. А у хозяина в глазах страх и... Что еще? Удивление? Радость?

Подошла Майка. Лизнула Бока в ухо. Он на нее рыкнул.

А спустя минут десять оборвал вой и повел Тару со Спарком к «холодильнику». Майке-то еды на несколько дней хватит. Кажется, еду звали Бейсиком.

Шесть тел лежали вповалку. Скованные льдом, припорошенные черной пылью Япета, уже заметно изуродованные. Три собаки, обнюхав добычу, отыскивали места, где кромка льда была самой тонкой, после чего улеглись сверху, согревая ее теплом своих тел. Полизали лед. Ковырнули когтями. И, наконец, добрались до еды. Бок деловито принялся отгрызать подтаявшую руку мертвого человека. Собственно,

от руки остался лишь плечевой сустав. Остальным собаки пообедали раньше. Справившись с задачей, Бок схватил руку в зубы и побежал к оазису. Его свита устремилась за ним. Каждый со своей добычей. А человеческие тела остались лежать замороженной исковерканной грудой.

Такова была судьба пропавшей экспедиции Япета. Одной из.

Пообедав, собаки как по команде побежали к кратерам с серебром — они полуколыцом окружали оазис тепла и, в отличие от тех, которые попадались людям, были пологие и всего метр высотой. Лайки, свесив морды, накатались бальзама и вернулись в тепло. Спать.

Люди глупы. А может, просто невезучи. Как бы там ни было, они так и не нашли способа выжить на Япете. В отличие от собак. В самый первый день Бок заметил на обрывах скафандра лужицы серебряного бальзама. Видимо, кто-то из людей расплескал, когда тащил Морта. От лужиц пахло чем-то знакомым и родным, хоть и далеким. Этот запах гонял его от кратера к кратеру, манил домашним огоньком. Бок принялся слизывать лужу. Лизал долго, самозабвенно, а потом, повинувшись то ли неведомому инстинкту, то ли зову Япета, рванул к источнику бальзама. Он всегда их находил безошибочно и знал, что рядом с участком тепла целая цепь серебристых кратеров. Пес запрыгнул в первый попавшийся и стал лакать кислую вязкую жидкость. И вдруг понял, что не мерзнет. Несмотря на то, что ушел от источника тепла.

Серебро грело изнутри, разгоняло кровь, разжигало огонь жизни. Бок спрыгнул с кратера. Увидел, что Майка, Спарк и еще Тара последовали его примеру и сейчас, довольные, встряхивались у кратеров.

Собаки вернулись к оазису. Гордый Бок шел впереди, рядом бежали Майка и Тара, Спарк – чуть позади. А в оазисе их встретил Лит. Шерсть его торчала дыбом, глаза горели недобрым огнем. Люди всегда удивлялись вражде Лита и Бока, вожака белого и черно-белого. Не понимали, с чего вдруг мирным лайкам, созданным лишь для того, чтобы искать серебро, взбрело в голову сводить какие-то счеты? Бок нападкам Лита не удивлялся. Он помнил, как Морт играл с ним в нападение-защиту. С Литом тоже мог кто-то поиграть...

Белый вожак посмотрел на Тару и коротко тьякнул. Тара прижалась к Черному Боку. Она нашла нового главаря. Лит ошетинился еще сильнее, зарычал. Теперь уже на Тару рыкнул Бок. Отойди, мол. Тут мужской разговор. И повернулся к Литу. Обычно собаки, прежде чем напасть, долго рычат, ходят кругами, приноравливаются к противнику. Морт во время игр никогда не рычал, всегда бросался на Бока без предупреждения. Бок запомнил. А потому сейчас просто прыгнул на Лита, не дав тому времени сгруппироваться и вообще – опомниться. Впился зубами в ненавистную шею, рванул, отскочил, чтобы снова напасть, сбить противника с ног, укусить, и еще, и еще. Ухо белого вожака повисло клочьями, нос кровоточил. Лит, ошеломленный и сбитый

с толку, отполз в сторону, зарычал, шатаясь, поднялся на лапы. Попробовал обойти врага, но не успел – Бок нанес новый удар. Он прыгал из стороны в сторону, рвал противника клыками, оставаясь при этом невредимым. Он не был сильнее Лита, но был хитрее и изворотливее. Благодаря Морту. И Бок был счастлив! Сколько раз люди растаскивали их с Литом, не давая свести счеты с ненавистным задирой. И вот, наконец, пришло время расплаты! Лит отбивался до последнего. Ни разу не заскулил, не попросил о пощаде. И, в общем-то, умер, как герой. Еще и накормил собою четвероногих товарищей. Всех, кроме Барса...

Молодой пес спокойно наблюдал за битвой двух вожаков. А затем решил то ли отомстить за погибшего соратника, то ли заявить о своих правах на звание главного. А, может, просто подраться захотелось. Он напал неожиданно. Бросился на уставшего Бока, сбил с ног, но и сам не устоял. Собаки покатались по черному льду, но очень быстро вскочили, закружились друг против друга. Черный Бок понял, что проигрывает в силе свежему противнику. И тогда он решил на хитрость. Принялся нарезать неспешные круги по оазису, не убегая далеко от Барса, но и не подпуская его слишком близко, то замедляя бег, то резко отпрыгивая в сторону. Увлеченный погоней, Барс не заметил, как оказался на краю оазиса. Как выпрыгнул вслед за врагом в мерзлую пустоту и оказался во власти запредельного холода. Барс, не отведавший бальзама, продержался недолго. А стая Черного Бока

получила еще один ужин.

Бок же, ощутив вкус победы, сделал «полукруг» почета, пробежав по краю оазиса – от хребта до хребта. А вернувшись в участок тепла, ощутил, что слегка продрог – действие бальзама потихоньку сходило на нет. Бок начал понимать правила жизни на Япете.

В тот вечер, засыпая, он снова взгрустнул о Морте. Где ты, хозяин?

Хозяин? Ну, уж нет! В этой глуши он сам себе господин!

Впрочем, о Морте Бок еще долго не мог забыть. Первые дни подолгу смотрел на небо. Прислушивался к шорохам, к каждому звуку, надеясь учуять знакомые шаги. И кто же знал, что услышит он их именно сейчас. Спустя япетный год Морт пришел к оазису.

Четыре собаки поднялись навстречу человеку, который когда-то хоть и не по своей воле, но оставил их умирать на диком морозе. Бок посмотрел на Морта и снова увидел странную смесь удивления, радости и страха во взгляде. Человек поднял шлем, с наслаждением вздохнул. Затем снял с пояса небольшой пакет, выудил из него такие знакомые пластиковые банки, вскрыл, поставил на лед и подтолкнул к собакам. Лайки понюхали мясную смесь, но не притронулись к лакомству. А Бок даже нюхать не стал. Он смотрел только на Морта и не мог понять, что происходит с его песьей душой? Хотелось скулить от радости и рычать от зло-

сти одновременно. Но поскольку вещи эти несовместимы, Бок стоял и молчал. Морт что-то сказал ему, показал на банки, развел руками. Бок понюхал смесь и осторожно лизнул, не сводя глаз с человека. Стая, увидев, что вожак одобрил принесенное человеком, тоже принялась за еду.

А Морт говорил и говорил. Кажется, звал на корабль. Бок никогда не любил корабль – тот был тесным и плохо пах. Но еще недавно отдал бы ухо, чтобы вернуться в эту жестяную коробку. А теперь... Эх, Морт, где же ты был, когда я тебя так ждал? Почему не вернулся тогда? Бок коротко заскулил. Мортон расценил сигнал по-своему. Сделал шаг, отстегнул от пояса поводок с ошейником, протянул руку. Бок зарычал. Отпрыгнул в сторону, оскалился, ошетинился. И человек отступил.

Окинул взглядом оазис тепла. Посмотрел на изменившихся, но вполне довольных жизнью лаек, на отвислый живот Майки (а у Япета-то скоро появятся новые жители!). Подумал, что черно-белая планета определенно любит собак и не слишком жалуется людям. Повесил ошейник назад на пояс. Выждал пару минут и только тогда подошел к успокоившемуся Боку и обнял друга за шею. А затем развернулся и зашагал прочь.

– Морт, ты сумасшедший! – Барб встретил его разъяренными воплями. Крис молчал, лишь смотрел исподлобья. Лучше бы он тоже кричал. – Мы уже взлетать собрались!

Чокнутый! Я напишу в Управление Внеземных Колоний, что ты псих. Тебя больше ни в один полет не пустят.

– Нашел хоть что-то? – спросил, наконец, Крис.

– Нет. Там ничего нет. Полетели.

Герберт Уэллс. Плесень Бадамы

(Автор: Геннадий Прашкевич)

Герберт Джордж Уэллс, признанный классик английской и мировой литературы, родился 21 сентября 1866 года в пригороде Лондона Бромли. Образование – частная Коммерческая академия мистера Томаса Морли, затем три курса Лондонского университета. В 1895 году Уэллс выпустил в свет повесть «Машина времени», в которой время рассматривалось как отдельное четвертое измерение нашего мира. За повестью последовало еще несколько романов «научной» направленности, но мировую славу Уэллсу принесла документальная книга «Война миров» (1897), в которой писатель скрупулезно описал и проанализировал первую (к счастью, неудачную) высадку марсиан на Землю. Теперь особенно ясно, что именно это событие изменило ход человеческой истории. Англия, Германия, Франция и Россия сумели объединиться перед лицом всеобщей грозной опасности, позже к ним присоединился Союз Соединенных Штатов Америки. Анализу первых успехов единого объединенного человечества посвящены многие философские трактаты Уэллса: «Чудесное посещение», «Первые люди на Луне», «Последняя война в воздухе», наконец, знаменитый труд «Люди как боги», в котором подведены итоги стремительного выхода людей в космос. В других своих книгах Уэллс ста-

вил не менее острые вопросы: «Остров доктора Моро», «Человек-невидимка», «Пища богов», «Освобожденный мир», «Облик грядущего», «Прозрения», «Новый Макиавелли», «Бог – невидимый король», особенно «Необходимая осторожность» – книга, быстро отрезвившая слишком горячие умы. В то время как Томас Вулф восторженно воспевал колонизацию ближних планет и их спутников, Джеймс Конрад ратовал за создание независимого частного космического флота, Владимир Набоков создавал скандальные сериалы о щемлящей и запретной любви к инопланетянкам, а Эрнест Хемингуэй воспевал браконьерские вылазки в хрупкие миры Венеры и Марса, Герберт Джордж Уэллс старался привлечь внимание к запущенным делам нашей собственной планеты. К сожалению, 13 августа 1967 года, в возрасте, который смело можно назвать весьма преклонным, Герберт Джордж Уэллс умер. Провожая старого друга, известный физик А. С. Красин, нобелевский лауреат, назвал его «человеком, чье слово несло и несет свет в самые темные и запутанные закоулки человеческого сознания». Теперь выясняется, что Уэллс, похоже, несколько не переоценивал опасностей, таящихся на нашей собственной планете. Об этом и предлагаемый рассказ, впервые публикующийся на русском языке.

1

Когда капитану Жерилло приказали вести канонерку

«Бенджамен Констан» в Бадаму – небольшой городок на реке Батемо, – чтобы определить область нашествия муравьев и помочь тамошним жителям бороться с этим нашествием, он заподозрил, что начальство над ним попросту издевается. Да, служебная карьера капитана складывалась не совсем гладко; но здесь большую роль сыграли его томные глаза и привязанность одной знатной бразильской дамы. Газеты «Диарио» и «О Футуро» прокомментировали назначение капитана Жерилло весьма непочтительно и, самое неприятное, он чувствовал, что для подобной непочтительности подал повод сам. Ведь он был креолом и обладал чисто португальскими представлениями об этикете и дисциплине; теперь единственным человеком, с которым он мог поговорить, был срочно назначенный на канонерку инженер Холройд из Ланкашира; общение с ним, помимо всего прочего, давало капитану возможность практиковаться в английском; он произносил звук «th» весьма приблизительно.

– Ну что это за назначение, сами подумайте! Я вижу, все видят, из меня хотят сделать посмешище! Как может человек бороться с муравьями? Да хоть три канонерки подведи к берегам! У муравьев там что, есть военные базы? Обратитесь к ученым, среди них есть и такие, что занимаются муравьями. Даже в наши дни. Нашествия муравьев не зависят от человека.

И развел руками:

– Муравьи приходят и уходят.

– Эти, похоже, не собираются уходить, – ответил Холройд. – Парень, которого вы упоминали, этот Самбо...

– Замбо, – несколько раздраженно поправил Жерилло. – «Смешанная кровь»...

– Пусть так... Этот Самбо... Он утверждает, что уходят не муравьи, а люди...

– Обычное дело. Не в первый раз. Вспомните Тринидад – миллионы муравьев полностью пожирают листья деревьев. Апельсиновых, манговых, им всё равно. Что тут поделаешь? Господь знал, что кому пустить в корм. Иногда полчища муравьев заявляются и в ваш дом. Такое тоже бывало. Конечно, приходится покидать дом, зато муравьи наводят в нем чистоту. Они ушли, вы вернулись – всё чистехонько, никаких тараканов, блох, клещей в полу!

– Этот Самбо утверждает, что на этот раз муравьи совсем другие...

– Какая мне разница, какие они. Это всего только муравьи! Насекомые. Не применять же против них бортовые орудия!

[...] наслаждаясь прохладным вечером, сидел на палубе, задумчиво курил и любовался Бразилией. Вот уже шесть дней, как они поднимались по Амазонке. Лесистые берега, наклонившиеся к воде пальмы, песчаные острова с редкими кустарниками. Безостановочно уходила за корму вода, густая и грязная, в ней кишели крокодилы, над ней кружились

птицы – странная бесцельность влажного жаркого мира мучила инженера Холройда. Он инстинктивно не доверял таким местам. Он вообще не любил воду и предпочел бы чувствовать под ногами надежную твердь, но так получилось, что многие его более удачливые коллеги давно работали на лунных базах и даже дальше, а он никак не мог покинуть Землю. И в тропики попал прямо из Англии, где природа давно уже полностью покорена, стиснута оградами, стоками и каналами. Некие обстоятельства, о которых он не любил вспоминать, помешали ему войти в состав экипажа, стартового на Венеру. Он привык к людям, к спорам, к динамике мегаполисов, а здесь, на Амазонке только иногда можно было увидеть тонущую в жарком мареве лодку. В крошечном городке Алемквер, где на борт канонерки был взят запас продуктов, людей тоже было мало. Они были встревожены и говорили только о муравьях. Появление канонерки их удручило; дела, видимо, обстояли хуже, чем им казалось. Да и как себя чувствовать, обитая под тростниковыми навесами в тени жалкой церквушки, в которой постоянно звучит долгая нота – голос Космоса, голос, как утверждал местный священник, самого Господа...

Времени инженер не терял – прилежно изучал испанский, хотя, кроме него, единственным человеком, знавшим несколько английских слов (кроме капитана, конечно), был негр кочегар. Помощник капитана, выходец из Франции, португалец да Кунха говорил только по-французски, впро-

чем, и этот его язык мало походил на тот, которому Холройд когда-то обучался в Саутпорте. Удушающая жара. Влажный туман. Запахи разложения. Аллигаторы и неведомые птицы, москиты разных видов и размеров, невидимые жуки и муравьи, змеи и обезьяны дивились: что, собственно, делают здесь люди? Ходить в одежде невыносимо, а сбросить ее – значит заживо обуглиться днем, а ночью – быть съеденным москитами. От скуки и раздражения капитан Жерилло изо дня в день пересказывал инженеру истории своих незатейливых любовных походов и нудно, будто перебирал четки, перечислял вереницу своих прошлых прелестных безымянных жертв. Время от времени на берегу поднимались дымы очагов. Тогда капитан Жерилло и инженер Холройд в окружении вооруженных матросов сходили на берег и оставались там на сутки, а то и на двое. В отчетах это называлось «сбором необходимой информации по распределению опасных насекомых в районе верхней Амазонки», а на деле выливалось в откровенные пляски с местными девушками, язык которых не знал никаких отрицательных форм.

Впрочем, доходило дело и до муравьев.

– Это какой-то новый вид, – делился капитан полученной информацией. – Местные жители называют их саюба. Невидимки. Обычно муравьи одного вида практически не отличаются размерами, но у саюба отдельные особи могут достигать крупных размеров, а другие на всю жизнь остаются мелкими. И еще они так умеют сливаться с окружающим, что

иногда кажутся невидимыми...

Не умея объяснить самому ему неясную информацию, капитан взрывался:

– Я мог бы сейчас работать на космофлоте! Вот дело для нормального думающего человека. У меня был выбор, вы понимаете? – Он злобно сжимал тонкие губы. – А меня сунули в эту гнилую дыру, бороться с насекомыми. Говорят, они пожирают страну... – Почему-то это особенно бесило капитана. – Но тут нечего пожирать! Муравьи приходят и уходят, так всегда было.

– Но муравьи, кажется, и впрямь досаждают местным жителям...

Инженер Холройд намекал на историю, услышанную в одном из последних посещенных ими поселений. Там они впервые столкнулись с людьми, бежавшими от муравьев. Они потеряли всё, что имели. Знаете, объясняли они, испуганно пожимая плечами, когда на ваш дом нападают муравьи, нужно удирать не раздумывая. Холройд это уже слышал. А потом, как водится, люди вернулись. «Муравьи ушли». Но муравьи саюба не уходят. Они захватывают понравившееся им место раз и навсегда. Они таятся в темноте хижин, которые люди привыкли считать своими. И первый же человек, осмелившийся войти в свой дом, с воплем выскочил наружу и бросился в реку. Его выловили, но он распух прямо на глазах, будто всё внутри в нем кипело, и он всё время бормотал какие-то непонятные слова, кото-

рых прежде никогда не произносил...

– Смотрите!

Канонерка вошла в неширокую протоку и теперь шла в тени лесистого берега, но внезапно впереди открылась тихая заиленная отмель, а за нею бурые голые скалы, заляпанные плоскими пятнами. Жерилло мог поклясться, что это лишайники. Какие еще растения угнездятся на отвесных скалах? Но обычно лишайники разбросаны по камням беспорядочно, а тут кто-то поработал: ножом или специальным скребком кто-то вырезал на фоне камней десятков пятилучевых звезд, на удивление четких.

Пораженный Жерилло перевел взгляд на Холройда:

– Наверное, кто-то спускался на веревке с вершины. С реки на отвесный обрыв не взберешься. Только зачем?

[...] поговорили о начатках человеческого искусства. Капитан Жерилло утверждал, что всё начинается с бессмысленных жестов. Конечно, он не преминул рассказать о некоторых своих любовных приключениях, когда сам умудрялся совершать немало удивительных по нелогичности поступков... не будем называть имена... Но ведь это всё в честь дам, которые того заслуживали... А здесь?.. Звезды на скалах... Зачем? Для кого?.. Капитан мучительно пытался продвинуться в своих размышлениях, но ничего у него не получалось, а инженер Холройд не пожелал развить тему. По ме-

ре приближения к цели его всё больше и больше занимали муравьи, а не сумасшедшие. Ну да, некий бельгиец Шарфф выжег огнеметом свое имя на самом крупном ледопаде Европы – спутнике Юпитера. Но это же спутник Юпитера, и хулиганство капитана со временем приобрело смысл символа. А тут глухой уголок Амазонии, на которой и людей почти нет, поскольку бассейну великой реки давно вернули его природное назначение – быть легкими нашей планеты.

Всякий раз, когда в зарослях мелькало самое невзрачное жильё, капитан Жерилло отправлялся на шлюпке к берегу. Даже Холройд всё чаще различал слово саюба. Впрочем, на местных наречиях это слово означало как «невидимый», так и просто «муравей». Похоже, канонерка приближалась к эпицентру событий. Капитан Жерилло оставил, наконец, свои привычные темы, зато лейтенант да Кунха стал разговорчивее. Он уже плавал по Амазонке и знал кое-что о муравьях и теперь, как мог, выкладывал капитану и инженеру свои познания. О злобных рыжих карликах, которые идут на любой объект стройными колоннами и сражаются, как истинные воины; о больших черных муравьях – командирах и вождях, заползающих человеку на шею и на лицо и загрызающих его насмерть. Рассказывал о том, как красные муравьи строят муравейники, достигающие иногда сотни ярдов в поперечнике. Еще два дня Холройд, Жерилло и лейтенант отдельно обсуждали вопрос – есть ли у муравьев глаза? На третьи сутки спор стал слишком ожесточенным. То-

гда лейтенант отправился на берег и вернулся с несколькими видами муравьев, посаженных в стеклянные пробирки. Оказалось, что у одних глаза есть, а у других нет. Но у саюба, у муравьев, напавших на Бадаму, глаза точно были. «У них большие глаза, — записал в отчете капитан Жерилло. — Местные жители утверждают, что взгляд этих муравьев трудно выдержать. Они смотрят на человека нагло и ничего не боятся. А укусы их ядовиты. Умирая, жертвы сильно страдают».

— Ну что мы с вами можем противопоставить таким наглým насекомым? — впадал в уныние капитан. — Муравьи приходят и уходят. Так было всегда.

За Тамандой начинается длинный низкий безлюдный берег, который тянется не менее чем на восемьдесят миль. Минув его, оказываешься у места слияния реки с труднопроизносимым названием Гварамадема с ее притоком Батемо, похожим на большое озеро. Лес подступает тут почти вплотную, поэтому к вечеру канонерка пришвартовалась в густой тени. Впервые за много дней повеяло прохладой, и Холройд с Жерилло засиделись на палубе допоздна. Они выкурили по две сигары, и Жерилло бесконечно рассуждал о муравьях саюба и о том, что они могут натворить, если вырвутся в более населенные людьми края.

В конце концов капитан решил выспаться и, расстелив матрац, лег прямо на теплой палубе. А Холройд еще какое-то время сидел на фальшборте и прислушивался к неровному

дыханию капитана. Казалось странным, что история человечества еще существует, что существует само человечество. «Неужели всё это было, было?» — думал Холройд. Объединившись, люди создали немало выдающегося, в том числе оставили в покое бассейн Амазонки. Зачем вырубать леса, если открыта дорога в космос? Талантливые инженеры Королев и фон Браун вывели людей к другим планетам. Экспансия предполагает рост, постоянный рост. Первые орбитальные корабли, первые экспедиции к Марсу и Венере, освоение спутников планет-гигантов, миграции людей на всё более осваиваемые Меркурий, Венеру, Марс, Ио, Европу и Ганимед изменили отношение людей к времени и к пространству. И только вот в таких глухих уголках Земли всё течет по-прежнему.

«Муравьи приходят и уходят».

Фонарь на носу канонерки еле светил.

Над фонарем вился бесшумный, призрачный рой мотыльков, во тьме невидимого леса мерцали, как искорки, огоньки светляков. Или то вспыхивали глаза саюба? Непостижимая беспредельность тропического леса изумляла и подавляла инженера. В Англии он привык думать, что Земля давно и безраздельно принадлежит человеку. В Англии это, впрочем, так и было: дикие звери и растения живут там исключительно по милости человека и его доброй воле; там повсюду дороги, изгороди и царит полная безопасность. Земля даже раскрашена так, чтобы показать права человека на

нее. Но тут невидимый лес казался непобедимым, а человек выглядел в лучшем случае гостем. Предположим на минуту, подумал Холройд, что эти странные саюба способны накапливать знания, ну, как это делают люди с помощью книг и всяческих своих ученых записей. Мысль эта почему-то его тревожила.

2

На следующее утро Холройд узнал, что они находятся в сорока километрах от Бадамы, и его интерес к берегам усилился. Он подымался на палубу каждый раз, когда представлялась возможность увидеть просветы в лесных массивах. Нигде он не видел никаких признаков присутствия человека, если, конечно, не считать таким признаком развалины домов, заросших сорными травами, и потрескавшийся фасад монастыря в Мозу, оставленного давным-давно; из оконного проема торчали ветки дерева, в пустых порталах болтались лианы. Утром над рекой летали желтые бабочки с полупрозрачными крыльями; многие из них садились на судно, и матросы ради развлечения их убивали. На десятки миль вокруг шла молчаливая борьба гигантских деревьев, цепких лиан, причудливых цветов, и повсюду крокодилы, черепахи, бесконечные птицы и насекомые чувствовали себя уверенно и невозмутимо, а вот человек... Человек, колонизировавший почти все планеты своей системы, распространял здесь

свою власть разве что на редкие вырубки, которые всё равно не покорялись ему; сражался с сорняками, сражался с насекомыми и дикими животными, только чтобы удержаться на жалком клочке земли...

Но кто же тут был настоящим хозяином?

– Наверное, муравьи. Их тут неисчислимо, – пробормотал Холройд.

– Как три Китая вместе со всеми Индиями, – желчно уточнил Жерилло.

Мысль эта показалась Холройду совершенно новой. По-надобились тысячелетия, чтобы люди перешли от варварства к цивилизации и почувствовали себя на этом основании хозяевами будущего и властелинами земли. А почему неким существам, опирающимся на уже имеющийся опыт людей, не проделать тот же путь в другом, в более стремительном темпе? К примеру, те же муравьи... Они живут общинами, у них есть свой язык, есть, наверное, разум... Неважно, что они воспринимают окружающее не так, как мы, главное – развиваться...

[...] канонерка приблизилась к покинутой, медленно сносимой течением куберте. Большая неуклюжая лодка не производила впечатления покинутой: оба паруса были подняты и неподвижно обвисли в безветрии полдня, а впереди на носу, рядом со сложенными веслами, сидел человек в широкополой шляпе. Еще один вроде бы спал, лежа ничком на про-

дольном мостике, какие бывают на шкафуте больших лодок. Но вскоре по ходу куберты стало ясно, что с ней происходит что-то неладное. Глянув в бинокль, капитан Жерилло обратил внимание на странно серое неподвижное лицо человека, сидевшего на палубе: оно казалось обожженным.

Капитан окликнул куберту. Никто не ответил, но открылось ее название: «Санта Роза». Потом, оказавшись в кильватере «Бенджамена Констана», куберта слегка нырнула носом, и скорчившийся на палубе человек упал. Широкополая шляпа слетела, обнажившаяся голова поразила капитана: она была густо покрыта всё теми же звездчатыми серыми пятнами.

- Вы видели? – спросил капитан инженера.
- Там что-то неладно, – откликнулся Холройд.
- Вы разглядели лицо этого несчастного?
- Лучше бы и не видеть...

Капитан Жерилло подал сигнал, и канонерка, развернувшись, на тихом ходу пошла параллельным с кубертой курсом. Капитан теперь видел всю «Санту Розу» от носа до кормы. Похоже, команда ее состояла всего из этих двух мертвецов. Судя по раскинутым рукам, с которых ключьями свисало мясо, покрытое гнусным серым налетом, трупы подверглись какому-то необычному процессу разложения. Капитан обратил внимание и на распахнутую дверь небольшой кормовой каюты. Палуба перед нею была покрыта всё теми же серыми пятнами... всё той же вездесущей в тропическом

климате плесенью... Взяв бинокль, капитан долго разглядывал палубу. Пятна странной плесени вдруг разделялись... отдельные темные точки бежали по голым горячим доскам... вновь сливались в серые пятна. Если это и муравьи, подумал капитан, то какие-то слишком уж плоские... И ведут себя необычно... будто чувствуют, что за ними следят...

– Лейтенант!

Португалец оказался рядом.

– Сойдите на куберту и осмотрите ее!

– Но там полно этих...

– Разве вы не в сапогах?

Холройд снова взял бинокль.

Позже он описал мне этих «муравьев» очень подробно.

По его словам, все они отличались неопределенной величиной, будто могли распадаться на части, уменьшаться или увеличиваться. Вдруг возникал крупный муравей, бежал по палубе, неожиданно рассыпаясь на бегущую стайку сразу нескольких мелких муравьев, которые сами по себе вдруг исчезали. Да, именно исчезали, сливались с пятнами серой плесени, кое-где принимающей уже знакомые звездчатые очертания. Возможно там на скалах, подумал Холройд, тоже были такие же вот... образования... Он никак не мог определить, с чем они столкнулись. Пятна плесени не имели какого-то единого центра, но могли разрастаться и исчезать, могли мгновенно преобразовываться в муравьев или в их подобия... Холройду даже показалось... Да нет, конечно, по-

казалось... Эти твари не могли вести себя разумно...

– Осмотрите куберту! – вновь услышал он голос капитана.

– Но эти люди... – возразил португалец. – Я думаю, их убили муравьи...

– Не теряйте время! – Капитан разразился целым потоком проклятий и ругательств.

Пораженные разыгравшейся сценой, на палубу поднялись другие члены экипажа и, уязвленный ругательствами, лейтенант, наконец, принял решение: отдал честь и перепрыгнул на палубу куберты, скользившей рядом с канонеркой. Шлюпка лейтенанту не понадобилась, хотя матросы с другого борта уже спускали ее. Холройд ясно видел, как крупные и мелкие муравьи отскакивают, отступают от тяжелых сапог лейтенанта да Кунхи. Казалось, они понимали, чем грозит соприкосновение с такой грозной опасностью. Добравшись до распростертого тела, португалец задумался, потом ногой перевернул труп. Из лохмотьев осыпалась какая-то пыль, сапоги лейтенанта сразу стали серыми, тут и там возникали на длинных голенищах серые звезды, такие же, как на палубе, такие же, как раньше на скалах.

– Отчего погиб этот человек? – прокричал капитан.

Холройд уже достаточно понимал по-португальски, чтобы дословно понять слова лейтенанта: «Непонятно... Труп страшно распух... – Отвечая, лейтенант заткнул специальной пробкой стеклянную пробирку, на мгновение опущенную к трупу; видимо, в нее попало несколько муравьев. –

Похоже, труп изъеден изнутри».

— А что там в носовой части? — крикнул Жерилло.

Лейтенант сделал несколько шагов, но внезапно остановился.

Несколько раз он даже энергично притопнул, но серые звезды с голенищ его высоких сапог не опали, напротив, они поднялись выше. Да, они поднялись. Эта плесень умела передвигаться. Лейтенант и сам теперь шел по палубе какой-то странной походкой. Он будто переступал через какие-то невидимые препятствия, а иногда судорожно вскидывал руки к шее, будто его настигала внезапная боль. Тем не менее он добрался до второго трупа и наклонился над ним. «Мы зря сюда пришли, капитан». Он действительно это произнес. «Запросите базу». И добавил: «Протон».

Муравьи или плесень, неважно что, тем временем очистили палубу.

Грязные доски, спутанный канат, тряпье, распухшие трупы. Даже на сапогах лейтенанта звезды растаяли, как серые снежинки в тепле. Жерилло направил бинокль во тьму маленькой каюты и вздрогнул. Ему показалось, что плотная тьма полна изучающих внимательных глаз. Он всё более и более убеждался, что на кажущейся пустой куберте происходит какая-то огромная, хотя и малоприметная, таинственная работа. Он будто бы разглядел во тьме каюты какие-то пятна. Нет, они не светились, но позже капитан утверждал, что видел что-то шевелящееся. Увлеченный этим зре-

лищем, он на минуту забыл о лейтенанте, но тот сам напомнил о себе криком. Обычно так не кричат, такой страдальческий вскрик вырывается самопроизвольно. Буквально одним прыжком португалец достиг борта и бросился в воду...

3

[...] вышли из каюты, в которой лежало распухшее и обезображенное тело лейтенанта, и, стоя рядом на корме, не сводили мрачных взглядов со зловещего судна, плывшего за ними на буксире. Душную темную ночь разрывали зарницы. Капитан всё время возвращался к словам, которые произнес лейтенант да Кунха в предсмертной горячке. «Запросите базу». Зачем?

– Наверное, вы думаете, что это я убил лейтенанта? – понизив голос, выругался он. – Но это служба, Холройд, это наша служба. Кто-то должен был подняться на куберту, а лейтенант давал присягу. – Капитан никак не мог остановиться. – Он погиб, выполняя свой долг. – Что-то в голове капитана Жерилло сдвинулось. – «Протон». Какой протон? Почему протон? Этот да Кунха ненормальный. Для него физики никогда, наверное, и не существовало. «Протон»! – выругался он. – Мне оправдываться не в чем, Холройд. – Он опять оглянулся и еще понизил голос: – Этот бедняга весь раздулся от муравьиного яда, но как они это с ним проделали? Никаких следов укусов. Странно, да? И эта плесень на

его лице. Почему она непременно принимает такие звездчатые формы? Слышали о чем-то таком?

– Ну, железные опилки в магнитном поле...

– Бросьте, Холройд. При чем тут это?

– Капитан, а вы правда видели муравьев?

– Еще бы! Отчетливо, как вас. И вы их видели. Просто они разумно используют резкость тропического света, вот и кажется, что они появляются и исчезают. Нет, хватит! Утром я сожгу куберту вместе с захватившими ее тварями!

[...] приказ сжечь «Санту Розу», несомненно, пришелся по душе экипажу канонерки. Матросы с жаром взялись за дело. Они выбрали трос, обрубили его и подожгли куберту паклей, хорошо пропитанной керосином. Через минуту «Санта Роза», весело потрескивая, пылала, как костер, в сумерках тропического утра. Звездные искры... да нет, пожалуй, обычные... просто звездчатыми они казались... весело отражались в утренней реке. На палубу поднялся негр кочегар. «Саюба – пых-пых», – повторял он, глядя на горящую куберту. Но Холройд не рассмеялся. [...] думал о том, что у этих маленьких существ, кто бы они там ни были, есть, наверное, какой-то мозг или его задатки, а значит, они, как и человек, осознают свою хрупкость. Любое существо рано или поздно сталкивается с вечностью – с вечностью смерти. Это не отравить ядом одного отдельного человека. Всё человечество всё равно не отравишь, ведь оно распространилось уже до са-

мого края Солнечной системы. Оно обитает на Меркурии, на Венере, на Марсе, на спутниках Юпитера и Сатурна, это только такие неудачники, как капитан Жерилло, остаются на обочинах. Бурно развивающаяся цивилизация ревниво отталкивает неудачников, затыкая ими такие вот глухие дыры. Всё происходящее с «Бенджаменом Констаном» вдруг показалось Холройду невероятно глупым и ложным. Он почувствовал облегчение, когда костер «Санты Розы» исчез за поворотом реки...

Около девяти канонерка подошла к Бадаме.

Селение это, с его домиками, крытыми пальмовыми листьями, с сахарным заводиком, заросшим плющом, с небольшим причалом из досок и камыша, всех поразило тишиной и безмолвием; похоже, людей тут не было, а муравьев на таком расстоянии не разглядишь. На мощную сирену канонерки с берега никто не откликнулся. Капитана всё больше одолевали мучительные сомнения. «Нам остается только одно...»

– Что? – спросил Холройд.

– Снова и снова звать...

Капитан Жерилло нервно ходил по мостику, разговаривал сам с собою, бросал бессвязные ругательства. На испанском и португальском он будто обращался к какому-то будущему воображаемому судилищу. Натренированное ухо Холройда уловило слово «боеприпасы». И раз, и другой. Но развивать эту мысль капитан не стал, а приказал спустить шлюпку.

Вооружившись биноклями, они поплыли к берегу. Серая, уже знакомая им плесень звездами расползлась по всем плоским поверхностям. Казалось, Бадаму готовили к Рождеству, правда, снежинки, которыми расписывали стены хижин, выбраны были почему-то серые. «Не подвергать же пустой поселок обстрелу... – бормотал негромко Жерилло. – Нет, нет. Они специально хотели меня унижить. Холройд... У меня враги в морском министерстве...»

Странная плесень покрывала деревянный настил толстым пластом, нет, скорее толстым пластом... звезд. В общем, можно было допустить, что это действительно выброшенные штормом заплесневевшие звезды... морские... Правда, при внимательном взгляде иллюзия рушилась. Особенно, когда матросы увидели скелет человека.

– Я обязан думать об их жизнях... – негромко произнес Жерилло.

Холройд недоуменно взглянул на него, не сразу догадавшись, что капитан имеет в виду экипаж канонерки. Зато матросы на веслах одобрительно покивали.

«Высадить отряд на берег?.. – рассуждал вслух капитан. Он ни на кого не смотрел, но прекрасно знал, что его слова слышат. – Невозможно... Теперь мы знаем, все будут отравлены... Лейтенант да Кунха был в высоких сапогах, но это ему не помогло... Нет, нет, – посмотрел капитан на Холройда, – эта история специально затеяна, чтобы поднять меня на смех...»

Приблизившись к причалу, они внимательно изучили дочиста обглоданный скелет, набрали несколько пробирок плесени и даже поймали, сунув туда же, несколько плоских саюба. С этого времени колебания Жерилло стали совершенно мучительными. Средним ходом он направил «Бенджамен Констан» вверх по реке, будто всё еще надеялся найти ответ на мучившие его вопросы. Впрочем, к заходу солнца он приказал возвратиться, и канонерка вновь бросила якорь прямо напротив мрачного причала. Спустилась прохладная ночь, все уснули. Но перед рассветом капитан вдруг разбудил Холройда.

– Господи, что еще?

– Решено, – сказал капитан.

– Что решено? Высаживаться на берег?

– Нет, совсем нет... – ответил капитан и умолк.

Холройд нетерпеливо ждал. Он уже знал, что скажет Жерилло.

– Решено... – повторил капитан. – Я дам залп сразу из двух бортовых орудий.

И канонерка дала залп. Одному богу известно, что подумали об этом муравьи или загадочная плесень, но Жерилло это сделал. Он выстрелил даже дважды, соблюдая торжественный ритуал. Лес замер в изумлении. Задумка капитана смахивала на начало какой-то необыкновенной военной операции. Первым залпом разнесло пустой сахарный заводик, вторым снесло пустую лавку позади причала. [...] за-

тем у Жерилло началась неизбежная реакция. «Ничего хорошего из этого не выйдет, – мрачно сообщил он Холройду. – Да еще мне придется отчитываться за каждый заряд. Теперь мне еще обязательно поставят в вину обстрел этого пустого поселка. О, Холройд, какой жуткий вой они поднимут вокруг этого! Вы себе не представляете...»

После полудня капитан приказал отправляться обратно.

4

Мне довелось услышать всю эту историю от самого Холройда.

Эти саюба, совершенно новый вид муравьев, не дают инженеру никакого покоя.

Холройд и в Англию вернулся с намерением «возбудить умы людей» своим рассказом о непонятных событиях на одном из дальних притоков Амазонки. По словам инженера, загадочные муравьи-невидимки угрожают всему огромному району Амазонии. «Это не просто новый вид муравьев. Это что-то гораздо более серьезное». И снова и снова он начинает речь о загадочной плесени, о скалах, покрытых серыми звездами. «С чего начинается человек разумный? Правильно. С искусства. Возвращаясь с охоты, наши далекие предки украшали стены пещер рисунками. Да просто от нечего делать. От удачи или от неудачи. Разве не так?» Холройд покачивает в руке кружку с пивом, будто прикидывает ее вес.

«Почему бы не подойти с подобным мерилom к саюба? Я уверен, это думающие твари. На лейтенанта да Кунха они напали умело, он не сумел с ними справиться, а огромный был детина. Правительство Бразилии поступило весьма благоразумно, предложив хорошую премию за гуманный и эффективный способ очистки территорий от муравьев невидимок. Они ведь оккупировали уже весь южный берег реки Батемо, полностью изгнав оттуда людей...»

Холройд вдруг наклонился ко мне: «Я думаю, дело в этой плесени. Муравьи – это производное. Всего лишь производное, что-то вроде наших роботов, мистер Уэллс». И тем же полусшепотом изложил мне туманную суть исследований некоего доктора Моуди, который всерьез утверждает, что плесень Бадамы – это некий новый вид жизни (предположительно разумной) на атомном уровне. «Наверное, вы и про доктора Рассела слышали, мистер Уэллс? Это же он обнаружил микроскопические окаменелости в некоторых метеоритах, в том числе марсианских».

– Простите, мистер Холройд, но между микроскопической окаменелостью и живым муравьем, даже плесенью – лежит пропасть. Чудовищная пропасть.

– На первый взгляд – да. Но вы не знаете некоторых деталей.

– Ну так выкладывайте их.

И Холройд выложил:

– Поход нашей канонерки выяснил, что муравьи саюба по-

явились в Бадаме всего два-три года назад. Раньше о таких муравьях местные жители и не слыхивали.

– Они могли прийти из глубины тропических лесов.

– Тогда об этих невидимках давно знали бы другие обитатели Амазонии. Тем более что саюба не любит сидеть на месте. Известно, что недавно они каким-то образом переправились через широкий приток Капуараны. Можете не сомневаться, – хмуро посмотрел на меня Холройд. – Можете не сомневаться, что эти твари разумнее и упорнее чиновников, занимающихся этим вопросом. Тем более что для чиновников это именно вопрос. Понимаете?

Холройд сделал многозначительную паузу.

– В верхнем течении Амазонки с недавних пор, заметьте, с недавних, ходят самые невероятные легенды о смелости и мощи саюба. Легенды эти растут с каждым днем, множатся. И не без оснований, ведь указанные муравьи непреклонно продвигаются вперед. [...] Мы рвемся в космос, высаживаемся на других планетах, обживаем их и нам в голову не приходит, что наша собственная планета, которую мы считаем своим наиболее обеспеченным тылом, может оказаться в опасности.

– Не преувеличивайте, – сказал я. – Речь идет, в сущности, о необитаемых территориях. Амазония – легкие нашей планеты...

– Тем более нельзя допустить, чтобы их заняла новая разновидность палочек Коха.

– Вы опять о муравьях, Холройд?

– Называйте их как хотите. Но они ведут себя чрезвычайно осмысленно. Они не торопятся, но занимают и занимают все новые территории. Серые звезды необычной плесени отмечены уже на берегах северных притоков Ориноко. Численность саюба быстро растет, боюсь, они скоро вытеснят людей из всей тропической зоны Южной Америки. Я вам больше скажу, – Холройд снова понизил голос. – Если эти твари будут и впредь продвигаться такими темпами, то около две тысячи сорок первого года или около того они атакуют разветвленную дорогу, тянущуюся вдоль Капуараны, а в две тысячи сорок пятом доберутся до среднего течения Амазонки. А ведь я, заметьте, весьма осторожен в расчетах. – Холройд посмотрел на меня. – К две тысячи пятидесятому, по моим расчетам, они форсируют Атлантику. Понимаете, о чем я?

– Не совсем.

– О новом витке истории.

Я засмеялся. Это обидело Холройда.

– Вот вам еще пример. Канонерка «Бенджамен Констан».

– Я слышал ее отправили на переплавку. Это меня удивило. Она вроде совершила только один поход.

– Да, это было совсем новое судно. Но его решили списать. Как раз после нашего похода. Сталь плавил в специальной домне. Резали канонерку на куски и плавил в домне. А всё почему? Да потому, мистер Уэллс, что в трюмах корабля, в некоторых отсеках нашего «Бенджамена Конста-

на» была обнаружена некая накипь, возможно, следы той самой плесени. Не забывайте, из экипажа нашей канонерки вернулись в Англию только три человека: капитан Жерилло, негр кочегар и я. Отчет капитана засекречен, а сам он до сих пор находится под следствием. Говорят, он выпустил этих тварей, помещенных нами в стеклянные пробирки. Конечно, преступление, мистер Уэллс. Ожесточенные люди вроде нашего капитана способны на многое. Сейчас всем известно, что на коже людей, убитых саюба, появляются странные серые звезды... некий налет... Не беспокойтесь, мистер Уэллс... – Он обнажил до локтей хорошо загорелые руки. – Ни я, ни капитан Жерилло, ни наш кочегар почему-то не пострадали. Может, саюба избрали нас вестниками своего прихода. Но правильнее всё же вести речь о плесени... Если относиться к ней, как к самоорганизующейся субстанции... я ведь не из числа этих ученых говорунов и мысли выражаю просто... Если эта плесень так разумно и сложно организовывает свою жизнь... или свои формы... не знаю, как сказать правильнее... Сейчас им удобно принимать форму муравьев, но эти муравьи исчезают при первой опасности. Похоже, для них нет препятствий. Они свободно проходят сквозь сталь, сквозь стекло... Все пробирки, доставленные нами, оказались пустыми. Я убежден, капитан Жерилло тут не при чем. Просто нашу плесень нельзя ничем удержать. Это жизнь на некоем ином уровне... Что может удержать отдельный атом? Понимаете? Я пытаюсь докричаться до лю-

дей, но меня не слышат.

– Наверное, ваши слова не убедительны.

– Может быть... – покачал головой Холройд. – Может быть... Но вчера... вы слышали это сообщение? – Он помахал рукой бармену: «Повторите». – Вчера канал NNS сообщил о том, что обнаружено место падения искусственного спутника Земли. Это произошло три года назад. Запомните, мистер Уэллс. Ровно три года назад. Сложный спутник метеослужбы, он неожиданно свалился с орбиты. Его и не искали. По всем расчетам он должен был сгореть в атмосфере, но недавно его обломки были обнаружены... Догадываетесь, где?... Да, верно... В районе поселка Бадама, на реке Батемо... Бедный капитан Жерилло, для него наш поход стал катастрофой...

– Спутники и прежде не раз падали, – осторожно заметил я.

– Вы что, правда, не слышали сообщение NNS? Этот спутник сорвало с орбиты метеоритом.

– Ну и что?

– А вспомните слова лейтенанта да Кунхи. «Мы зря сюда пришли, капитан». Почему он это сказал? А потом добавил: «Запросите базу». А потом добавил: «Протон». Попробуйте вдуматься. Лейтенант да Кунха ничего не мог знать о сбитом метеоритом спутнике. Это всего лишь один из серийных спутников, кто из нас помнит даже названия этих серий? А он назвал ее: «Протон». Ему будто нашептали это со сторо-

ны, а? Теперь вспомните о несчастном индейце, убитом муравьями в Бадаме. Его выловили из реки, но он распух прямо на глазах, будто всё внутри в нем кипело, и он всё время бормотал какие-то непонятные слова, которых прежде никогда не произносил. Удалось выяснить. Он повторял слово, неизвестное индейцам...

– Неужели «протон»?

– Верно. – Холройд сделал большой глоток.

Мы помолчали. Я не хотел, чтобы инженер продолжал свои фантазии. Муравьи-невидимки... плесень, проникающая сквозь стекло... не многовато ли?... Наверное, он думает, что плесень, овладевая... не знаю, как правильно сказать... мозгом человека... проникая в его тело... может вызывать в сознании погибающего некий отзвук того, что увидено самими муравьями... или этой плесенью... Нет, не надо... Не стоит осуждать человека, столь увлеченного идеей всеобщего спасения...

Мы заказали еще по кружке. Но разговор как-то сник.

Зато неделю спустя в редакции журнала «Nature» я случайно увидел цифровое объемное изображение работающей домны в Мидленде. [...] необычная, скажем так, окраска стальных обводов. На темном металле отчетливо проступали очертания серых звезд.

– Что это? – спросил я.

Мистер Бедфорд, редактор, отмахнулся:

– Спросите Митчелла, сэр. Это его материалы.

Удивившись моему внезапному волнению, он всё же пояснил:

– Это что-то вроде плесени. Но весьма специфической. Ее не убивает даже высокая температура, этим она и заинтересовала Митчелла. Кстати, подобные образования обнаружены недавно в верхнем течении Амазонки.

– Это как-то связано с походом канонерки «Бенджамен Констан»?

– Представления не имею. Поинтересуйтесь у Митчелла. Может, мистер Митчелл и ответил бы на мои вопросы, но боюсь, время упущено.

Как мне удалось узнать, вскоре после нашей встречи в баре инженер Холройд подал очередное прошение о переводе его на внешнюю космическую линию, и это прошение, наконец, было удовлетворено. Реализация давней мечты или бегство? Не знаю. Но что-то подсказывает мне, что даже самые безопасные районы нашей планеты скоро могут перестать считаться такими. Экспансия открывает тылы. Я ведь хорошо запомнил слова Холройда, что к две тысячи пятидесятому году муравьи саюба форсируют Атлантику.

Другими словами – они откроют Европу.

Эдгар По. Идеальный текст и таинственная история (Автор: Леонид Кудрявцев)

Эдгар Аллан По родился 19 января 1809 года в городе Бостон, США. Родители его были актерами бродячей труппы. Умерли они, когда Эдгару исполнилось два года. Усыновил его богатый купец Джон Аллан. Благодаря этому талантливый от природы мальчик получил хорошее образование. Эдгар начал рано писать стихи, много фантазировал, увлекался психологией.

В семнадцать лет Эдгар поссорился с приемным отцом и с того момента вынужден был зарабатывать на жизнь самостоятельно. Получалось это плохо, и он даже на время угодил в солдаты. Первый сборник его стихов вышел в 1827 году и не имел успеха. Несмотря на это будущий классик продолжал упорно трудиться. Удача улыбнулась ему только в 1833 году. Его рассказ «Рукопись, найденная в бутылке» получил первую премию балтиморского ежегодника. И вовремя, поскольку Эдгар к этому моменту фактически дошел до нищеты.

С этого момента и до 1847 года Эдгар По работает в журналах Ричмонда, много пишет и печатается. Он женился, но вскоре овдовел. 1847–1849 годы для него оказались самы-

ми тяжелыми. Общество не простило ему эксцентричного поведения. Его травили, его мысли всё чаще занимали болезненные и причудливые фантазии, он пил. Падения перемежались взлетами, но к концу 1849 года произошел перелом, в результате которого писателю каким-то чудом удалось остановиться на самом краю пропасти, в которую он, казалось, уже упал.

Что послужило этому причиной, так навсегда и осталось тайной, но следующий 1850 год встретил уже новый человек, рассудительный и трезвый. Видимо, дав зарок, Эдгар По прекратил писать. Он устроился в лавку бакалейщика обычным продавцом и с жаром принялся за дело. С этого момента его финансовые дела пошли в гору. Через несколько лет, благодаря трудолюбию и бережливости, он сумел выплатить все свои долги. А слава уже стояла у его дверей. Причем следующие десятилетия она лишь росла и наконец достигла такой величины, что Эдгара По объявили живым классиком. Его произведения издавались, переиздавались и обильно переводились на иностранные языки.

К 1870 году писатель стал настолько богат, что смог даже купить себе небольшой остров на Филиппинах. Еще десять лет на нем шло строительство замка, снабженного высокими стенами, рвом и подъемным мостом. В центре замка встала белая башня, в которой Эдгар По и поселился, запретив входить в нее кому бы то ни было, кроме парочки особо доверенных слуг. Это воспринималось как чудачества

человека, неожиданно разбогатевшего на старости. Однако писатель прожил на острове более чем сотню лет и стал самым долгоживущим человеком Земли. Данный факт, в сочетании со всегда присущей ему эксцентричностью, подкрепленные недюжинным талантом, сделали Эдгара По едва ли не самым известным человеком на Земле. Ему пришлось даже нанять целое агентство, единственной задачей которого являлось ограждение его быта от навязчивых визитеров, пытающихся теми или иными способами проникнуть в его настоящие и мнимые тайны. А их усматривалось немало, и сказочное, библейское долголетие писателя, конечно, было основным. Однако, в то же время, многих интересовало его молчание. При этом было достоверно известно, что Эдгар По всё время работает над каким-то текстом. Это будоражило умы, поскольку многие мечтали хотя бы одним глазком увидеть текст, над которым очень талантливый автор работал более ста лет. Увы, этим надеждам не суждено было сбыться.

В 1986 году писатель вдруг покинул свой остров и отправился на Марс. В пути его сопровождала лишь сиделка, которую он нанял всего за несколько месяцев до этого события. 30 апреля Эдгар По прибыл на планету бога войны и к вечеру, в тот момент, когда сиделка оставила его ненадолго одного, умер. Учитывая возраст писателя, расследования причин смерти даже не проводили. И это, как и положено, со временем породило массу странных, шокирующих слухов, как доподлинно установлено, не имеющих под собой ника-

ких оснований.

Один из ведущих критиков нашего времени написал: «Смерть Эдгара По не могла остаться незамеченной. Жизнь великого писателя оборвалась и вместе с ней исчезла надежда на появление по крайней мере еще одного, талантливой и наверняка необычного текста. Если учесть время, потраченное на работу с ним, он вполне мог оказаться одним из самых совершенных художественных текстов, созданных когда бы то ни было пишущим человеком».

1

Провидению было угодно, что постепенно моя известность переплавилась в деньги и теперь тягловой силой у меня работает всамделишная, причем весьма неглупая сиделка. Я передвигаюсь с ее помощью в кресле на колесиках. Оно, как мне представляется, является упрощенной моделью похоронных дрог, от свидания с которыми мне удастся ускользнуть почти две сотни лет. На это, несомненно, есть веская причина, но о ней – несколько позже.

Со стороны я теперь несколько смахиваю на египетскую мумию. Меня это печалит, но уверяю, и в моем возрасте есть некоторые радости.

Кстати, везут меня в данный момент по коридору космопорта, мимо первопроходцев в фиолетовых одеждах, сильно смахивающих на средневековые монашеские плащи. Воз-

можно, там, на других планетах, они им помогают выживать. Держаться первопроходцы предпочитают кучками. Стоят, разговаривают, курят сигареты, из которых идет красноватый дым. А вот монахи и торговцы, как правило, ходят поодиночке, и это вполне объяснимо. На Марсе или Венере, по дороге от одного купола к другому, в случае неприятностей, приходится рассчитывать лишь на себя. Это не способствует развитию клановости. Еще нам время от времени попадают военные, но очень редко. В данный момент никаких стычек с аборигенами-инопланетянами не бывает. Так, по крайней мере, утверждает пресса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.